

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЦЕЗАРЬ ЗБЕШХОВСКИЙ

ИСКАЖЕНИЕ

Звезды научной фантастики

Цезарий Збешховский

Искажение

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Збешховский Ц.

Искажение / Ц. Збешховский — «Издательство АСТ»,
2019 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-123340-2

Миротворческий контингент государства Рамма поддерживает порядок в Ремарке, пустынной стране, еще недавно охваченной войной. Поначалу люди, живущие тут, принимали рамманцев как освободителей, но сейчас считают главными врагами. В такой ситуации капрал Маркус Трент выживает на рутинной современной войне, о которой никто не говорит, ведь официально рамманская армия помогает местному населению, а не ведет с ним боевые действия. Но когда его подразделение направляют в пустыню Саладх, где по разведывательным данным замечена активность повстанцев, оно сталкивается со странными и необъяснимыми явлениями. Здесь исчезают люди, после контакта с таинственными шаровыми молниями солдаты начинают страдать синдромом Котара, считая себя мертвыми, не работает связь, по ночам в пустыне мерцают огромные зеленые и синие огни, а сам Маркус начинает слышать в голове механический голос, который говорит ему ужасные вещи. Ни командование, ни сами солдаты не подозревают, что вскоре им придется столкнуться с нечеловеческим разумом. Они еще не знают, что помимо своей воли будут поставлены перед самым страшным выбором в своей жизни, и мало кто из них выйдет из этого столкновения живым

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-123340-2

© Збешховский Ц., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Глава шестая	58
Часть вторая	69
Глава первая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Цезарий Збешховский

Искажение

Рафалу и Веронике, моим любимым детям

*Под утро, в сером безмолвии, ему показалось, будто он уже мертв,
будто кто-то подменил его между двумя ударами часов.*

Михал Цетнаровский. Пустыня растет

*Обожжаю это место по ночам. Звезды... в них нет ни добра, ни зла.
Они просто есть.*

Сержант Элиас Гродин. «Взвод» (реж. Оливер Стоун)

Пролог

*Вторник, 12 июля, 22.30
Фортост Дисторсия,
пустыня Саладх, южный Ремарк*

Должен тебе сказать, дорогой сынок: мы больше не увидимся. Я не вернусь в большой город, чтобы оказаться в людском муравейнике. Мы не сделаем многое из того, что обычно делают вместе отцы и сыновья. Мы не починим испорченный кран, не посмотрим фильм про космос и не пойдем прогуляться по лесу. Ты не расскажешь мне о своей первой драке и своей первой любви. Мы не поставим палатку у озера и не разведем костер. Я останусь здесь, в этой паршивой пустыне, которая тяжело дышит после жаркого дня.

Все разваливается, мой дорогой, мир давно уже перестал быть единым целым. Все существует по отдельности – предметы, явления и люди, будто фрагменты разных головоломок. Я почти механически воспринимаю теплый ветер, обдувающий мне лицо, пересыпающиеся зерна гравия и хлопанье флага на мачте. Я ощущаю запах этой сожженной земли, вползающий под керамический жилет, ощущаю тяжелый от жары зилоновый шлем и стынущую грязь в моих ботинках.

В этот вечер мы стоим на посту – твой папа и четверо молчаливых мужчин, охраняющие главные ворота базы Дисторсия, а также друг друга и голубой ад под собственными ногами; скрытое под землей чудовище терпеливо наблюдает за нами, подобно опытному хищнику. Предыдущая смена ушла в двадцать два часа, устав от ожидания партизанской атаки или френического огня. Я командир, мой мальши, и потому занял место командира под оклеенной фольгой деревянной крышей, слева от ворот.

У нас есть большой скорострельный пулемет. Наш MUG калибра 7.62 обслуживает рядовой Гаус, плечистый парень из Бильдена. Он курит сигарету и стучит каблук по куску бетона, который отковырял от пола миниатюрного бункера. Размеренное движение явно его успокаивает, так же, как и тебя, когда ты не мог заснуть.

На другой стороне дороги в точно таком же гнезде сидят старший рядовой Пурич и старший рядовой Дафни, которого мы зовем Водяная Блоха. Знаю, дорогой, прозвище дурацкое, но его фамилия вызвала у нас ассоциации с дафнией. Последний из команды, старший рядовой Баллард, находится значительно выше, в кабине грузовика «Кавказ», припаркованного поперек ворот. Это чудовище весом в полтора десятка тонн выглядит красивее даже твоих игрушек. Мы до краев заполнили его песком, словно ребятишки в песочнице, и он служит нам входом на базу. Между «Кавказом» и стеной высотой в два с лишним метра мы оставляем только щель, через которую может протиснуться человек.

Или то, что от человека осталось.

Резкие лучи прожекторов на угловых мачтах вырывают из темноты заграждения на дороге. Приходится лавировать между ними, отправляясь в патруль. И нужно быть внимательным, чтобы не перепутать маршрут – саперы заминировали почти всю территорию на случай штурма партизан. Дорога извивается между небольшими холмами, доходя через три километра до разрушенной автостреды, ведущей из Хармана в Физзу.

Я думаю об этих местах и своих людях. Наша миссия длится уже семь месяцев, и мы провели вместе сотни часов. Ко мне приходили и рассказывали о своих проблемах, а я делал все, что мог, лишь бы заслужить их доверие. И я с самого начала понимал, что должен получить их узнать, ибо от этого когда-нибудь будет зависеть наша жизнь. Но сейчас нас окружает тишина. Безумие, скрывающееся под ногами, разливается по всей базе, затыкая нам рты.

Мы уже задавали странные вопросы, ссорились и пытались сражаться, а теперь трясемся от страха, и я не стыжусь об этом сказать: спокойствие – лишь игра, в которую мы играем, чтобы не бросить оружие и не сбежать в пустыню.

– Ворота, ответьте, – раздается в наушнике голос Янга, дежурного офицера.

– Капрал Трент, – отвечаю я. – Слушаю, господин лейтенант!

– К вам едут два «скорпиона» из третьего взвода. Быстро пропустите их, они везут раненых дезертиров. Разведка готовит дрон, который сейчас пролетит над вами.

– Понял, господин лейтенант. Конец связи.

Я выхожу из бункера и протираю защитные очки от пустынной пыли.

– Баллард!

– Да, Маркус!

– Доложи, что видишь на дороге.

Крис приставляет к глазам бинокль и изучает окружение, используя ночное видение. Мне сильно не хватает его самообладания и упорства, которые обычно передаются остальным.

– Два «скорпиона» только что выехали из-за правой Сиськи. – Так мы называем два одинаковых холма напротив. – Они будут здесь примерно через три минуты.

– Хорошо, заводи машину и жди моего знака.

– Есть!

Кивнув Пуричу, я коротко объясняю ситуацию. Над нашими головами пролетает беспилотный «сокол» и исчезает в ночной тьме. Мы идем в сторону первого заграждения и ждем появления машин. Гаус и Водяная Блоха сидят в бункерах, держа пальцы на спусковых крючках своих MUG. Вскоре становятся видны позиционные огни, с которыми ездят водители МСАРР, и красные сигналы на мачтах. В том, что это наши, нет никакого сомнения, но проверить все равно надо. Первый «скорпион» тормозит перед заграждением, вздымая облако пыли. Из кабины высовывается усталый сержант Северин.

– Пропустите, парни. Мы везем тяжелораненых. – Пурич светит внутрь светодиодным фонарем. – Блядь, не по глазам же!

Мы заглядываем во вторую машину, где на заднем сиденье лежат три обгоревшие куклы – трое обожженных солдат. При их виде взгляд сам утыкается в землю. Стрелок на крыше с отсутствующим видом опирается головой о пулемет. Под пыльными тряпками я узнаю Лукаса. Парень сломался – он словно визитная карточка нашего подразделения.

Я отдаю Балларду приказ по радио. Бронированный «Кавказ» с ревом освобождает въезд на базу, и патруль поспешно проезжает мимо, чтобы как можно скорее добраться до медсанчасти. Там их уже ждут капитан Заубер и старшина Гильде, на всякий случай держа под столом пластиковые мешки для трупов. В холодильной камере, насколько я помню, лежат еще шестеро беглецов, а также седьмой, разорванный на куски.

– И что скажешь? – спрашиваю я Пурича, просто чтобы нарушить тишину.

– Придет и наша очередь. Я предпочел бы погибнуть в бою, чем так.

Мы возвращаемся на свои посты. Идем медленно, глаза заслоняет врезавшийся в память вид обожженных солдат. Я лезу в карман за помятой пачкой сигарет – и тут раздается громкий крик Гауса. Из уменьшающейся щели между грузовиком и стеной выбегает какой-то солдат и мчится прямо на нас, размахивая автоматом. Судя по всему, он воспользовался суматохой во время проезда патруля и пробрался к выходу. Он решил бежать с базы пешком, пробившись через часовых. Если можно так выразиться – весьма рискованный план.

Мы целимся в него из МСК, но он мчится дальше, выставив вперед голову. На носу у него очки, на голове покосившийся шлем. Это капрал Норман из нашего взвода, про которого я всегда думал, что он наверняка свихнется последним. «Все течет, – как писал Гераклит, –

и ничто не остается прежним». Сейчас мы застрелим Нормана или он перестреляет нас, и коллекция пополнится очередным инцидентом, над которыми ломает голову капитан Бек.

Я прикладываю оружие к плечу, целюсь... и чувствую, что не смогу убить своего друга.

– Стой, сукин сын! – кричит не по уставу Пурич.

– Норман, стой, стрелять буду!

Но для Ларса Нормана быть застреленным – явно меньшее зло, чем оставаться на базе. По крайней мере сейчас, когда происходит то, что происходит. Он налетает на нас с разбегу, мы расступаемся в стороны, и Пурич аккуратно выставляет ногу, профессионально подсекая беглеца. На гражданке он играл в футбол в окружной лиге, и спортивный опыт дает о себе знать. Капрал падает плашмя, роняет оружие и кувыркается по песку, ударяясь о ближайшее ограждение. Когда он пытается подняться, на его спину опускается бронированный кулак Гауса, выбивая воздух из легких. Вим Гаус всегда оказывается там, где можно кому-нибудь врезать, и быстро решает подобные вопросы.

Мы окружаем лежащего, будто стая волков. Гаус поднимает автомат, шлем и треснувшие очки, а Пурич переворачивает лежащего на спину и светит фонарем ему в глаза. С разбитого лба течет кровь, лицо выглядит так, будто им повозили по асфальту. Норман заслоняется от света исцарапанными руками. Вытаращенные от ужаса глаза не могут ни на чем сосредоточиться. Его бьет адреналиновая дрожь так, что стучат зубы. У него проблемы с речью, и он все меньше напоминает того парня, с которым я любил поболтать в столовой о старых фильмах. Полная развалина.

– Совсем ебанулся, Норман? – деловито спрашивает Пурич. – Погибнуть захотел?

– Выпустите меня отсюда, выпустите... Я не хочу умирать, – по-собачьи скулит обезумевший капрал. – Мы все там умрем! – Он вытягивает руку в сторону базы.

– Заткнись, Ларс! – Я ударяю его раскрытой ладонью по лицу и поворачиваюсь к воротам. – Баллард! Свяжись с сержантом, пусть он его отсюда заберет. И никому ни слова, парни, – лишняя паника нам ни к чему.

Часть первая

Вступление

Глава первая

*Среда, 6 января, 20.40, на полгода раньше
Рамманско-Ремаркская граница,
окрестности Тирона, Республика Рамма*

Дорогой сынок, я уже очень далеко, хотя от твоего дома меня отделяет всего шесть-сот километров. Как и все, я постоянно задумываюсь, не билет ли это в один конец. Меня преследует мысль, что я не успею исправить свои ошибки, так что пишу тебе и буду писать в каждую свободную минуту. Мы едем в составе громадного конвоя, который приближается к границе с Ремарком, а я яростно стучу по экрану своего коммуникатора. Голова то и дело ударяется о бурый брезент, и я растираю руки, поскольку тут далеко не тепло, мой дорогой. Сперва напишу тебе, как случилось так, что мне пришлось уехать.

В десять утра тридцатого декабря жандармерия вручила мне повестку в Миротворческие силы. Когда я приехал попрощаться с родителями, твоя бабушка, с которой ты не знаком, начала плакать и носиться туда-сюда, дед давал последние наставления, а мне пришлось вернуться, быстро собраться и решить пару дел. Своего овчара Кракса я отвез тете Белле. Думаю, тетя бы тебе понравилась, она в самом деле симпатичная. Я попрощался с ней и дядей, вернул двоюродному брату несколько сотен, которые был ему должен, и забрал пылесос из ремонта. На экспресс из города Рамма до Бильдена успел в последний момент. Пришлось мчаться с высунутым языком, словно какой-то зверь из мультика, представляешь? Поезд отходил в пять тридцать утра в канун Нового года. Когда-нибудь ты увидишь, сынок, что люди любят развлекаться. На перроне и в купе царило праздничное настроение, а я, сидя в поезде, воздерживался от участия в новогоднем празднестве.

Неподалеку от Бильдена, на базе Сиракус, проходило формирование Пятого контингента МСАРР. Еще до того, как я явился на комиссию, молодой лейтенант извинился передо мной за столь срочную мобилизацию. Какой-то капрал сломал на учениях руку, и требовалось найти замену. Я служил в войсках территориальной обороны и заявил, что готов участвовать в миссии. Все бумаги уже год лежали у них, и жребий пал на меня, мой мальши. Чертова тридцатого декабря.

Потом были проверки и недельная подготовка, а еще позже – назначение в Первый полк. Другие готовились здесь уже месяц, так что мне было слегка не по себе – будто я переехал в другой город и поменял школу. За эти несколько дней я успел познакомиться самое большее с несколькими парнями. «Привет, привет! Откуда ты, старик?» И немногим больше. Я прочитал врученный старшиной приказ: третий батальон пехоты, девятая рота, взвод быстрого реагирования, третье отделение. Мне выделили четырех человек – Пурича, Гауса, Дафни и Ротта, с которыми я обменялся несколькими словами в последний день подготовки. Пришлось быстро наверстать упущенное.

Сержант Голя, принявший наш взвод, кажется мне вполне разумным человеком. Приятели называют его Мальши, поскольку росту в нем всего метр шестьдесят с небольшим, но все слушают его без лишних возражений. Может, виной тому сломанный нос или ишрамы на щеках от боксерских поединков. Так или иначе, он вызывает доверие, и иметь такого за спи-

ной весьма неплохо. Помни, сынок, что мужчину узнают не по глазам или рукопожатию. Его узнают по тому, говорит ли он правду и сдерживает ли свои обещания.

На привале сержант присел к нам и принялся травить байки. Он говорит, что принимал участие в освобождении Ремарка, а потом в первой и второй миротворческой миссии, во время которой был ранен и отправлен на родину. Теперь он едет в третий раз, и у него нет никаких иллюзий, что эта война – грязная.

– Осторожнее с «клещами». Блядство еще то, – хрипло повторяет он. – И не лазить по разным дырам без глушилок. Если кого-нибудь за этим поймаю, будет, блядь, толчки голыми лапами чистить.

– Так точно, господин сержант, – без особого энтузиазма отвечаем мы.

Кто-то говорит, будто на юге Ремарка якобы живут дикари, которые едят своих врагов. Кто-то еще добавляет, что читал о проклятых местах, которые туземцы обходят в панике или отдают им почести. Можно заблудиться в пустыне и не вернуться домой. Я чувствую, что с меня хватит, и, чтобы не слушать дальше всю эту болтовню, надеваю наушники.

Конвой застревает в страшной пробке, приходится остановиться. Мы спрыгиваем с машины в нескольких километрах перед пограничным переходом. Кухня выдает горячий суп, а вдали, за деревьями, виднеется настоящий палаточный городок, густо освещенный фонарями, – промежуточный лагерь для беженцев, которым повезло пробраться в Рамму.

Некоторые из них живут тут уже пять лет. Сперва им помогала Нина, мать моего Томаса. Я ненавижу ее за то, что она забрала моего сына, хотя в том есть и моя вина. Я сам идеально все испортил. Нина была волонтером в Фонде мира, и я искренне сочувствовал ее работе. Но у Тирона есть одно преимущество – приятный климат, несколько градусов тепла посреди зимы. Когда я уезжал из столицы, меня провожал мороз и грязный снег на тротуарах.

*Четверг, 7 января, 06.05
Окрестности Йона,
провинция Кумран, северный Ремарк*

На границе мы несколько часов поспали, а теперь стоим в пригороде Йона и снова ждем как идиоты. Сержант говорит, саперы уже час что-то выковыривают из путепровода впереди. К тому же система управления нашей армии не идеальна, тут царит настоящий хаос, когда дела обстоят иначе, чем хотелось бы командованию.

Мы злимся, что для нашей транспортировки не воспользовались самолетами. Однако генерал Доминик Сальте, главнокомандующий МСАРР, объявил Доктрину Видимости и с энтузиазмом претворяет ее в жизнь. Мы должны находиться как можно ближе к гражданским, а наш вид должен вызывать панику среди врагов. Самолеты забирают домой четвертый контингент, а в конвоях через оккупированную страну едет пятая смена. Благодаря этому создается впечатление, будто нас больше.

Конвой тянется на много километров, занимая половину покрытого выбоинами шоссе. Темная змея состоит из грузовиков, полевых «скорпионов», легких транспортеров и орудий «Кормакс», которые везут на длинных прицепах. Машин снабжения и цистерн с топливом, перекрашенных в зеленый цвет, я даже не считаю. Кое-где виднеются также микроавтобусы охранной фирмы «ТайгерКло» и пикапы со специализированным оборудованием.

По другой стороне дороги движется местный транспорт. Ремарцы ездят на старых автомобилях, часто носящих на себе следы войны. У некоторых разбиты фары и помяты кузова. Вдоль конвоя кружат патрули охраны, не подпуская к нам сбежавшихся из окрестных деревень зевак. Через бурые поля и пастбища тянутся группки детей, рассчитывая получить какую-нибудь еду. Все они в лохмотьях, многие хромают, у некоторых нет кистей или рук целиком.

– Это всё увечья из-за мин, – говорит капрал Лотти. – Ребятишки лазают по руинам, надеются найти там что-нибудь пожрать или ходят в лес по дрова. Мины повсюду – готтанцы по дурачности все тут засеяли «клещами». В окрестных лесах до сих пор полно этой дряни.

– У нас ведь есть глушители и ловушки, можно бы их поставить, – говорит Гаус.

– Кто будет впустую тратить на них такую технику? – Я хлопаю его по спине. – Сам подумай, парень, – станет наше правительство выделять миллионы, чтобы у маленьких ремарцев все ручки были на месте?

– Ну так, блядь, зачем мы туда едем?

– Потому что получили приказ, – спокойно отвечает сержант. – Если мы не наведем порядок в Ремарке, нас и дальше будет захлестывать волна беженцев. Ремарцы обожают резать друг друга, так что наиболее предприимчивые предпочитают бежать. Хотите иметь у себя толпы этих черножопых?!

Вопрос повисает в воздухе. Раздаются свистки командиров, и те, кто успел выйти из грузовиков, поспешно запрыгивают обратно. Суматоха продолжается всего несколько минут, после чего мы трогаемся дальше на юго-запад. Часть конвоя останется в Портсаиле, чтобы укрепить Миротворческие силы в столице Ремарка. Но большинство солдат и техники, в том числе моя рота, поедет дальше на юг, в город Харман.

Два батальона пехоты, первый и третий, расквартированный на базе Эрде, на востоке Хармана, понесли самые большие потери и пополнялись чаще всего, что не внушает оптимизма. У нескольких парней, после того как они получили назначение, случился небольшой нервный срыв. Однако большинство пребывает в боевом настроении, распевают песни или играют в стрелялки на коммуникаторах, а потом хвастаются друг перед другом, сколько хедшотов на их счету и какой у них заебательский левел. «Какая-то паранойя», – сонно думаю я. После пересечения границы в голове царит пустота, будто после успокоительного.

К счастью, чем дальше на юг, тем теплее. В это время года в Хармане самое меньшее пятнадцать градусов выше нуля. А я настолько терпеть не могу зиму, что предпочитаю переносить жару и горячий ветер пустыни, чем чувствовать, как у меня промерзает задница. Сержант Голя, уже бывавший на юге, не разделяет моего восторга, раз за разом повторяя, что там больше всего мятежников и вообще ситуация скорее говённая. Я видел в Сиракусе учебные фильмы о партизанах Гарсии и гадейцах-самоубийцах, так что догадываюсь, о чем он.

Воскресенье, 10 января, 08.00

Харман, провинция Саладх, южный Ремарк

Мы стоим по стойке «смирно» на плацу. База Эрде огромна – по сути, это кусок пригорода, окруженный стеной, укрепленный и переделанный в местопребывание наших войск. Мы занимаем старую фабрику сельскохозяйственных тягачей, десятка полтора домов, бывшее профессиональное училище и выставочный салон, в котором размещается штаб. Слышится зычный голос командира Первого пехотного полка – седого, но крепкого и широкоплечего, опаленного солнцем полковника Хербста. За ним стоят все офицеры, командиры трех батальонов, рот и специальных подразделений. На мачте развевается полковое знамя – скрещенные мечи на синем фоне и что-то вроде срущего орла.

Полковник Хербст приветствует нас от имени командования Миротворческих сил армии Республики Рамма, благодарит за патриотизм и желает успехов в стране наших соседей. Он говорит о местной общественности, которая наверняка ценит наши старания, а также о большой ответственности за мирное развитие Ремарка. Интересно, кто писал ему всю эту хрень?

Наконец он переходит к нашим врагам, то есть обычным бандитам и партизанам Эвана Гарсии – в основном гадейцев и арейцев, которые борются за вывод рамманских войск и создание независимого Совета служителей культа.

– Солдаты! Уверен, что, пока ехали сюда, вы видели масштаб разрушений, которые принесла этой стране война с готтанцами. Безжалостный враг, руководимый коммунистической диктатурой, атаковал слабое и терзаемое внутренними раздорами княжество Ремарк, чтобы завладеть его природными богатствами и многовековыми достижениями. Сломив оборону ремарцев, готтанцы бомбардировали города и села, используя обычное оружие и оружие массового поражения и поставив себе целью истребить ремаркское население. Наши войска, героически сражаясь, победили их и изгнали из этой страны, далеко за пустыню Саладх. Мы вернули ремарцам их достоинство и дали шанс на спокойную жизнь. И, хотя мы заплатили за это высокую цену, заплатили кровью наших солдат, мы гордимся, что Республика Рамма в течение многих веков стоит на страже мира и демократии. – Он откашливается. – Однако в Ремарке имеются религиозные культы и преступные организации, которые во имя мафиозных интересов подстрекают местное население на действия против нас. В настоящее время войска Готто, которым мы перебили хребет, уже не представляют серьезной опасности. Главной проблемой являются скрывающиеся среди дружественного нам общества террористы, с которыми мы решительно боремся. – Эффектная пауза. – Когда взглянете им в лицо, не постесняйтесь спросить, где они были, когда настоящий враг постучал в их двери. Что они сделали для своего народа, когда готтанцы стреляли в женщин и детей, а их самолеты сбрасывали на больницы и школы снаряды с химическим оружием и засыпали города гомеостатическими минами? Спросите, схватились ли они тогда за оружие и выступили против врага или укрылись в храмах, молясь богам за свою жалкую жизнь? – Полковник окидывает взглядом плац. – Или – нет, солдаты! Не пытайтесь понять мотивы, которыми руководствуются террористы. Когда они встанут на вашем пути, повалите их наземь и втопчите в песок. А если потребуется – без какой-либо жалости застрелите. Не стесняйтесь использовать автоматы и кулаки, ибо вы выступаете в защиту угнетенных и в защиту демократии!

– Так точно, господин полковник! – ревет почти тысяча глоток.

Воздух кажется наэлектризованным от всеобщего возбуждения. Солдаты полны уверенности, что победят, и что убить врага – благородный поступок. Я не видел подобной уверенности в глазах ветеранов, покидавших базу в день нашего приезда, зато заметил усталость и обветренную кожу.

Я думаю об этих людях, слушая последующие выступления. И мне хочется пить.

Понедельник, 11 января, 10.40

Сегодня особый день – мы в первый раз едем в патруль. Четыре «скорпиона», весь взвод быстрого реагирования девятой роты, набившийся в бронированные машины, выезжает с базы Эрде, направляясь в сторону городского центра.

Раньше у нас не было возможности приглядеться к этой стране, и мы тарасимся в буквальном смысле на все подряд. Цель миссии – проверить обстоятельства взрыва на заправочной станции в районе Сахо. Кто-то подложил заряд в один из ожидающих в двухдневной очереди автомобилей. Наверняка погибли гражданские, понесены существенные материальные потери, а толпа охвачена паникой. Ситуация достаточно серьезная, но мое внимание привлекает мусор.

В предместьях Хармана его полно – груды бумаг, коробок, пластиковых упаковок и биологических отходов облепляют обочины и площади, заполняют канавы, покрывают красную землю. Местами так жутко воняет, что приходится поднять стекла, хотя сержант Голя приказал ехать с открытыми окнами и смотреть во все стороны.

На крыше машины сжимает приклад MG2 стрелок моего отделения, Даниэль Пурич. Лицо его почти полностью замотано тряпкой. То и дело бросая взгляд наверх, я вижу, как он каждые несколько минут протирает защитные очки и громко чихает. Увы, ему придется привыкать – нам всем придется привыкнуть к дерьму.

«Скорпион» ведет Ротт, а я сижу рядом с ним. Во время подготовки нам говорили, что это самое опасное место. Большинство «айдигов» взрывается с этой стороны машины, на уровне передней дверцы, и пассажира, несмотря на броню, разносит в клочья. Поэтому я не сижу сзади – по крайней мере, в начале миссии следует показать парням, что у меня железные яйца. Я потею от страха и болтаю по радио.

Водяная Блоха и Гаус сидят сзади, всматриваются в каждый камень на обочине, в каждого человека, мимо которого мы проезжаем, стиснув зубы и судорожно сжимая в руках МСК. Они готовы выстрелить в старика, толкающего тележку с капустой, в козу, щиплющую траву у дороги. Неплохо – такими они и должны быть. Я возвращаюсь к своим наблюдениям.

Ремарк – странная смесь прекрасных домов и сооруженных на скорую руку хижин. Хаос застройки усиливают расставленные повсюду лотки с овощами, одеждой, шкурами, инструментами, рыбой и неизвестно чем еще. Харман не пострадал во время войны столь сильно, как Портсвилл, но нам постоянно встречаются руины, которые не успели убрать после войны. Иногда виден разбитый фонарный столб или сгоревшее дерево, торчащее вверх, словно черная кулья. Мы проезжаем мимо многоквартирного дома без единого стекла в окнах и груды обломков высотой в три метра.

Люди одеты совершенно по-разному – в темные длинные плащи, в разноцветные куртки или свитеры или в некое подобие вышитых платков. Иногда мелькает белая или пурпурная мантия служителя культа. Мы едем достаточно быстро, так что подробностей я пока не замечаю, но все здесь выглядит слегка потрепанным и не складывается в единое целое.

Чем ближе к центру, тем плотнее становится движение, и приходится прокладывать себе дорогу клаксонами. Машины, по большей части «трупы» двадцатилетней давности, послушно съезжают в сторону, а группы людей разбегаются в панике.

Первое, что бросается в глаза, – множество пешеходов, переходящих улицу наискосок и перебегающих дорогу прямо перед машинами. От постоянного торможения начинает тошнить и рябит в глазах. Но, с другой стороны, тротуарами пользоваться они тоже не могут, поскольку те заставлены лотками и опрокинутыми мусорными баками.

– Ну и бардак! – замечает Гаус. – Как бы тут какую-нибудь дрянь не подцепить. Нормально, да, Маркус? Сифак – и в могилу.

– Неужто потрахаться надумал? – спрашивает Водяная Блоха.

– Сосредоточьтесь на дороге, блядь! – обрываю я их беседу. – Расслабились уже? Морды тряпкой и вести наблюдение.

Сержант Голя сообщает по радио, что на одной из боковых улиц слышны выстрелы, но приказывает ехать дальше. Сейчас мы не будем выяснять, кто стрелял и в кого, – у нас другая задача. Этим займется обычный патруль, парни из третьего взвода.

Мы сворачиваем на аллею Гвоздик, одну из главных улиц города, и видим километровую очередь машин, ожидающих бензина. Мы с еще большим трудом протискиваемся через эту «стояночную полосу», все больше людей лезет нам под колеса, но в конце концов добираемся до небольшой площадки, на которой стоят три распределителя и разбитый контейнер для персонала.

Топливо должны привезти завтра – так гласит надпись на преграждающей проезд цепи. Хорошо, что Пурич немного знает ремаркский и способен перекрыть шум двигателя. Сержант приказывает выйти из «скорпионов» второму и третьему отделениям. Первая и последняя машины должны ждать развития событий.

Второе отделение состоит почти из одних ветеранов. Не понимаю, почему нас не перемешали сильнее. В моем отделении только старший рядовой Ротт второй раз участвует в миссии, у остальных нет опыта. Одно дело – кататься на полигоне и читать инструкции, и совсем другое – понять этот мир и не сойти с ума. Никогда не пойму армию.

Сержант вылавливает из группки зевак ремаркского полицейского и подходит к нему с переводчиком. Разговор становится нервным, я вижу, как наш командир все сильнее размахивает руками. Возвращается он изрядно разозленным.

– Не было никакого теракта, – говорит он, красный от ярости. – Те болваны из полиции думали, будто это бомба, а на самом деле какой-то придурок из obsługi бензоколонки сам себя случайно взорвал в контейнере. Решил закурить, а рядом оказался протекающий газовый баллон. Труп уже забрала скорая.

– Великолепно, – капрал Норман сплевывает на улицу, хотя в Ремарке это вроде бы запрещено. – Почему разведка не послала дрон?

– Потому что старые отправили на техосмотр с четвертым контингентом, а новые, блядь, еще не активировали, – отвечает Голя и приказывает нам собираться.

– Хорошо, что у этих черножопых нет бензина, – замечает кто-то из второго отделения. – Все взлетело бы на воздух.

Первый патруль оказывается ошибкой. Хвастаться по возвращении на базу будет нечем, но мы о том не жалеем. Возвращаемся другим путем, чтобы не искушать судьбу и объехать пробки. Первый «скорпион» сбивает одичавшую собаку. Я вижу, как костлявая зверюга убегает между домов, хромя на сломанную лапу.

Вторник, 12 января, 20.25

Вечерами начинается всеобщее помешательство – иначе не назовешь. Звонки, чаты, длинные мейлы – девушкам, невестам, женам, родителям, родственникам и знакомым, приятелям по кварталу и любовницам с работы, или прочим отчаявшимся душам, которые больше всего на свете нуждаются в информации о том, чем мы сегодня занимались, что ели на обед, сколько градусов тепла на улице и не натирает ли нам в паху. Солдаты сидят за компьютерами и стучат по клавиатуре с наушниками в ушах, шмыгая носом, или бродят с коммуникатором по коридорам, ища хоть какого-то уединения.

После подобных разговоров они наверняка размышляют о том, не изменяет ли им девушка, не начали ли дети прогуливать уроки, не растратила ли жена заначку на черный день и в самом ли деле выздоровел маявшийся животом пес. За несколько дней столь многое может случиться.

Я недоверчиво качаю головой – сам я не пишу писем и не звоню. Отцу сказал, что дам о себе знать по приезде в Харман, и отправил ему короткое сообщение.

– Это пройдет, – говорит сержант Голя, сидя под навесом столовой и потягивая вместе со мной и капралом Усилом безалкогольное пиво, единственным преимуществом которого является низкая температура. – Вернее, пройдет, но не у всех. Не одного удар хватит, когда какой-нибудь доброжелатель пришлет ему фотку друга с его собственной невестой. Ему сразу же захочется во внеочередной отпуск. Но большинство остынет на здешнем солнце, это я вам обещаю.

– А можно спросить – вы женаты, сержант?

– Уже пятнадцать лет с одной и той же мегерой, – с кривой усмешкой отвечает Голя. – Она только и ждет, когда объявят набор в очередную миссию, чтобы я поехал и привез немного денег. У нее свой парикмахерский салон, но можете мне поверить, парни, эта стерва стричь умеет только бабки. Обе дочери такие же, а сын еще хуже – постоянно сидит на толстой жопе и играет. Вообще, блядь, из дому не выходит, когда меня нет.

– А в скольких миссиях вы были? – спрашивает Усиль.

– Это пятая, если считать прошлый год – тогда я сидел за самой границей, в Йоне, и охранял конвои с гуманитарной помощью. Два раза был легко ранен, один раз мне даже хотели отрезать ногу, но я как-то выкарабкался. Но хер с ним, не хочу об этом говорить. Сейчас просто сказка, парни. Три года назад у нас на вооружении были «хеклеры», к которым приходилось лентой прикручивать магазины, чтобы те не выпали на бегу.

– Я что-то об этом читал, – киваю я.

– А я, Маркус, видел, как такое случалось. Мы оклеивали лентой автоматы, делали из силикона уплотнители для очков, поскольку те пропускали пыль, а «скорпионы-сто» вообще были просто хламом с броней тоньше бумаги, так что приходилось приваривать к ней вырезанное из мусорных контейнеров железо. А потом мы молились, чтобы «айдики» нам жопу не оторвали.

– Заебись! – комментирует Усиль и идет за очередной мочой с нулем процентов.

– Но «двухсотки» и «двухсотпятидесятки» тоже небезопасны. Тридцать пошло на металлолом после терактов во время четвертой миссии, – уверенно говорю я, поскольку еще в Рамме знакомился со статистикой замены техники.

– А ты весьма осведомлен, сынок, – сержант Голя смотрит мне в глаза. – Но лучше не высывайся с подобными откровениями. Кто-нибудь может пойти к Остину или Мюллеру и изящно им настучать. Мы друг друга поняли, капрал?

– Так точно.

– Хорошо. – Сержант делает последний глоток и оглядывается в поисках Усиля. – Где этот Петер, мать его? Не вижу его у стойки.

– Наверное, пошел отлить.

– Тогда я тоже пойду. Приятно было побеседовать. Надо кое-что почитать перед сном. На следующей неделе буду вести с вами занятия по тактике – лейтенанту неохота языком работать. Черт бы побрал Остину, Мюллера и всех этих офицеров, которых из жопы вытащили.

Я смотрю вслед уходящему сержанту, чувствуя себя слегка пьяным – от солнца, усталости и напряжения, которое не покидает нас даже на секунду. Через несколько минут возвращается Усиль, удивляясь, что мы остались одни. Мы говорим о вчерашнем патруле, но беседа не клеится. В конце концов поднимаем задницы и присоединяемся к Ларсу Норману, который направляется в сторону бывшего общежития. У рядовых и младшего командного состава там казармы.

Глава вторая

Пятница, 15 января, 05.35

Харман, провинция Саладх, Южный Ремарк

Я пишу тебе, дорогой сынок, и никому больше. Пишу эти письма в будущее, словно в самом деле верю, что будущее наступит. Я не отправляю сообщения сразу – ты еще слишком мал, чтобы все понять. Их сохраняет специальная почтовая программа, которая потом отыщет тебя в сети. Когда тебе исполнится пятнадцать, она прочешет форумы, профили и что там еще придумают бородатые чародеи, и, если найдет тебя, ты начнешь их получать, фрагмент за фрагментом.

Фирма «FutureBox» уверяет, что они будут обновлять алгоритмы и через десять лет инструмент будет продолжать работать. Приходится в это верить, особенно сейчас, когда вера мне особенно необходима.

Вчера погиб первый солдат из нашего контингента, капрал из третьего батальона. Ничего выдающегося – парню просто не повезло. Его «скорпион» наткнулся на «айдик», рвануло, и осколок пропорол ему шею. Наверняка он даже не понял, что случилось, – истек кровью, прежде чем кто-либо успел оказать ему помощь. Второму парню оторвало кисть руки, а стрелок на башенке оглох. Никого из них я лично не знал.

Дорожные бомбы – весьма действенное оружие, простое и вместе с тем трудно обнаружимое. Обычно это кусок трубы, заполненной кусками железа и взрывчаткой. Спереди у него металлическая пластина, которая выгибается после взрыва, принимает форму конуса и лупит в броню машины, разнося ее в пух и прах, чтобы там ни болтали конструкторы и командиры. Такая труба лежит себе замаскированная у дороги, а в действие ее приводят обычно с помощью длинного кабеля.

Иногда, идя вдоль такого кабеля, удастся выследить сволочь, подорвавшую заряд. Но чаще всего, прежде чем мы его найдем, прежде чем кто-либо сообразит, в чем вообще дело, – уже слишком поздно.

Нам говорят, мой дорогой, чтобы мы не боялись, ибо если мы будем осторожны, то сумеем избежать атаки. В конце концов большинство возвращаются через год домой, на радость истосковавшейся родне. Но даже ты наверняка бы почувствовал, что это ложь – даже если глядеть во все глаза, хорошо замаскированного дьявола в куче мусора не заметишь.

Понедельник, 18 января, 7.05

Лейтенант Марсель Остин притащился на занятия и мучает народ идеологической трепотней, повторяя все лозунги, которыми потчевал нас до этого командир полка. Вместо тактики мы слушаем лекцию о важности нашей миссии, об ответственности за гражданских, которые являются главными жертвами этой войны, и о культурных различиях, на которые следует обращать внимание. О вчерашнем инциденте с «айдиком» он не упоминает.

Я впускаю его треп в одно ухо и выпускаю из другого даты ремаркских религиозных и государственных праздников, разделение на главные храмы, запрет мужчинам приближаться к некоторым культовым местам или разговаривать со служительницами культа. Всего этого я терпеть не могу, и думаю, что три четверти роты точно так же ненавидит пиздеж лейтенанта. Мы сидим в бывшем сборочном цеху, кое-как переделанном в спортзал и место собраний для сотни солдат. Снаружи идет дождь и в воздухе висит похожая на мокрую тряпку духота.

Наконец Остин передает слово двум сержантам, командирам взводов, и становится интереснее, особенно для молодых солдат, но и я охотно послушаю лекцию, ковыряясь языком в зубе для гигиены, особенно психической.

Сержант Северин говорит о том, что война окончательно переместилась с поля боя на городские территории, и подготовка солдата должна учитывать специфику боев на подобной местности. Он добавляет, что нам следует забыть о тренировках, которые мы прошли в Сиракусе и своих родных подразделениях, поскольку те могут нам только повредить. Современное поле боя – это не леса и поля, а узкие улицы и здания с множеством окон, подъездов и балконов, из которых противник может успешно вести обстрел движущейся колонны или пешего патруля.

Он говорит, что мы должны обратить внимание на способ передвижения в городе, ведение наблюдения, преодоление препятствий и стен, а также открытой местности, которая может стать для нас смертельной, если мы привыкнем к мысли, что у нас всегда есть прикрытие. Он также подчеркивает, сколь большое внимание следует в настоящее время уделять подготовке одиночного солдата пехоты и действиям в небольших группах, отделениях или секциях. Да уж, Борис, особенно в гарнизоне Коден внимание этому уделялось до такой степени, что во время занятий молодые носились по части с котелком кипятка для чая или подметали окрестные скверики, поскольку должен был приехать кто-то из штаба.

Голя приказывает нам развесить на стенах листы серой бумаги. Не знаю, где он ее откопал, но листы пронумерованы и изрисованы силуэтами людей, а также зданий, улиц и перекрестков. Если он сделал эти плакаты сам, то, должен признать, у него имеется определенный талант.

– Господа, в здешней жопе мира у нас нет проектора, не говоря уже о большом экране, так что сосредоточьтесь на этих рисунках, – спокойно начинает он, но в голосе его чувствуется едва заметная угроза. – Я не для того так мучился, чтобы вы там, сзади, теперь сплетничали о какой-то срани. – Зал мгновенно затихает. – Мы договорились с сержантом Северином, что обучим вас основам передвижения по улице. Мы наблюдаем за вами с самого вашего приезда, и вы все еще ходите в патрули, будто бабы по магазинам. Сегодня ночью парень из седьмой роты получил пулю прямо в лоб из-за того, что никто его не страховал.

– А мы не собираемся паковать вас в мешки и звонить родне, – между делом добавляет Северин.

Наступает такая тишина, что слышно жужжание комара, который летает где-то над моей головой. Капли дождя стучат по жестяной крыше.

Сержант Голя начинает с высадки из машины. Запрещается без необходимости от нее удаляться, поскольку, как известно, «скорпион» всегда дает хоть какую-то защиту. Запрещается также собираться в одном месте и стоять во весь рост. Даже когда тихо и спокойно, нужно присесть и страховать свою четверку, приклеившись к кузову.

– А если у вас есть дополнительное прикрытие – ноги в руки и двигайтесь в сторону цели. Если кто-то попадет из РПГ в «скорпион», он может убить вас всех, – добавляет сержант Северин. Лейтенанту Остину в это время кто-то звонит, и он выходит из зала.

– Именно так. – Голя показывает первый рисунок. – Будете подходить сюда по отделениям и рассматривать схему выхода из машины. Каждый капрал отвечает за то, чтобы все ее изучили и соблюдали во время патруля. И мне насрать, если кто-то знает ее наизусть или ему некогда поболтать с родней. – Он обводит взглядом зал. – Потом научитесь пешему движению вдоль зданий, преодолению поворотов и перекрестков и поискам укрытия. Каждый должен знать, за кем он идет, какой сектор защищает и что входит в его обязанности.

– Через две недели вы должны вообще об этом не думать, – кивает Северин. – Тогда мы перейдем к боям внутри зданий, передвижению по лестницам, входу в помещения, исполь-

зованию сигнальных комплектов и так далее. Потом будет раздел о работе с беспилотными самолетами.

Молодые солдаты, парни из первого и третьего взводов, сидят с окаменевшими лицами. А я думаю о том, что старые командиры решили нагнать на них страху, чтобы мобилизовать для подготовки.

Понедельник, 18 января, 14.25

Третье отделение занимает в общежитии комнату на втором этаже, вторая дверь направо. Койки и полки старые, наверняка оставшиеся еще с довоенных времен. Армия за пять лет не удосужилась поменять здесь мебель. Никто не отремонтировал стены, исписанные студентами профессионального училища – множество восхитительных рисунков, в основном письки и сиськи, и непонятные надписи по-ремаркски. Над койкой Гауса висит большой плакат с обнаженной девицей – его личный вклад в украшение интерьера: длинные светлые волосы, силиконовый бюст и солнцезащитные очки.

Я сажусь на стул у окна. Трое солдат, до этого лежавшие на койках, садятся и выжидающе смотрят на меня. Дафни неохотно откладывает ветошь, которой чистил свой МСК. Подслушав в столовой разговор Ротта с парнями, я решил выяснить все сразу.

– Ладно, Джим, – наконец говорю я. – Что там за история с магазинами?

Ротт после меня самый старший по возрасту в отделении. Профессиональный водитель и известный пройдоха, у него за плечами восемь лет службы. Думаю, уже в Сиракусе он стал неформальным главой группы, и остальные парни в той или иной мере его слушаются.

– С какими магазинами?

– Не делай из меня идиота. – Я смотрю ему прямо в глаза. – Вынь магазин из автомата и извлеки при мне патроны.

– Нет необходимости.

– То есть? – Я чувствую, как злость сдавливает горло.

– Незачем, господин капрал. Внутри только два трассирующих – пятнадцатый и двадцать пятый. Я посоветовал парням, чтобы сделали так же, а трассирующие оставили про запас.

– Можешь не придуриваться с «капралом»? И скажи мне, какого хера ты так делаешь? В уставе явно написано, что каждый пятый должен быть трассирующим, чтобы увеличить прицельность.

– В жопу устав, – спокойно отвечает он. – Нельзя выпускать столько трассирующих – они выдают твою позицию противнику. Меня научил этому сержант Малик в предыдущую миссию, у него все так делали – отмечали середину магазина и пять штук до конца. Если кто-то стреляет, прошу прощения, как хер собачий, то и трассирующие ему не помогут. Я прав, Маркус?

Слышится одобрительный ропот. От того, что я сейчас скажу, может зависеть многое. Если бы я пришел неподготовленным, наверняка бы я его обругал, приказал вытащить патроны или сделал еще какую-нибудь глупость. Но я предвидел подобное развитие событий.

– Ты прав, Джим, – говорю я, вставая со стула. – Но вам следовало мне об этом сказать, мы должны учиться друг у друга. Не говоря уже, блядь, об уставе. Я должен знать, когда мы его нарушаем.

– Я думал, ты не согласишься. – Ротт впервые теряет уверенность в себе.

– Значит, ты неправильно думал, солдат. – Я смотрю на Дафни, который нежно поглаживает дуло автомата. – Я слышал, ты, Водяная Блоха, всегда стреляешь одиночными?

– Ясное дело, Маркус, – очередями никакой меткости не будет.

– И вроде как считаешь выстрелы. Прямо как в аптеке?

– Такая привычка, еще с гражданки, – улыбается Дафни. – Я любил ходить на стрельбище, четыре раза подряд выигрывал соревнования.

– Тогда выброси все трассирующие, они тебе ни к чему, – киваю я. – А я поступлю так же, как и остальные, – не такая уж и глупая идея. Отдыхайте, парни. В двадцать часов заступаем на пост у восточных ворот.

Среда, 20 января, 12.00

Говорят, взвод быстрого реагирования – говённая работа.

Обычно так говорится в переносном смысле, поскольку ВБР остается в постоянной боевой готовности. В случае вызова нужно за пятнадцать минут упаковаться в «скорпионы» и мчаться на место события. Это означает, что ты не можешь находиться дальше чем в пяти минутах от казармы, а потом за десять минут должен надеть жилет, защиту, шлем и прочее снаряжение, после чего бежать сломя голову. Весь день ходишь напряженный, с тошнотворным ощущением затишья перед бурей, и отсчитываешь очередные часы, чем бы в это время ни занимался.

Но на этот раз служба говённая в буквальном смысле. Из Хармана приехали две ассенизационные машины, чтобы откачать содержимое отстойника на базе. Сразу же после них появились еще несколько, которые опорожняют переносные туалеты, расставленные в ряд по обоим концам плаца и в каждом углу базы. Два отделения из нашего взвода отправили на помощь часовым при проверке грузовиков, а потом на помощь водителям.

Мы воистину счастливы.

Машины ворчат и стонут, воняет так, будто обоссался сам сатана, и сверху на все это льет моросящий дождь. Петер Усиль обвязывает нос ремаркским платком, а потом кричит мне, что не нанимался в золотари. Что ж, все мы страдаем из-за плохой канализации в городе и постоянных технических неполадок.

В курилке я натыкаюсь на сержанта Северина. Видя мою злую физиономию, он смеется, что по возвращении домой у нас будет новая профессия, но потом серьезно добавляет, что у базы Эрде огромные проблемы с вывозом нечистот, даже обычного мусора. Водители мусоровозов и ассенизационных машин запуганы боевиками Гарсии, а в декабре партизаны застрелили владельца одной из фирм.

– Возможно, скоро мы утонем в говне, – завершает он свой вывод.

– Вот ведь суки, – говорю я, прикуривая вторую сигарету. – Не знал, что они убивают своих же за такую херню.

– К ним относятся как к коллаборационистам. Поговори, Маркус, с кем-нибудь из переводчиков, и он тебе расскажет, насколько это опасная работа. Собственно, каждому, кто на нее соглашается, автоматически предоставляется убежище. Но с семьями бывает по-всякому.

Мне вспоминаются слова нашего сержанта, повторявшего, что это грязная война. Настолько грязная, что она касается даже мусора и цистерн с фекалиями. Эти люди режут друг друга, режут нас, а мы, естественно, режем их при каждом удобном случае.

Три месяца назад в Портсaille подвергся нападению патруль. Солдаты в ответ открыли огонь по машине, в которой ехали партизаны. Погиб один из наших, четверо нападавших и шестеро гражданских, в том числе мать с двухлетним ребенком. Парни слегка запаниковали и лупили по автомобилю в центре города, не обращая внимания на толпу вокруг. После в столице Ремарка несколько дней продолжались беспорядки. Чтобы их прекратить, пришлось ввести комендантский час. Подобное воспринимается здесь как нечто вполне нормальное.

Пятница, 22 января, 19.00

Мы уже третий день тренируемся высаживаться из машины. Теперь нам удастся это про-
делать меньше чем за пять секунд – от имитации остановки до занятия позиций для стрельбы.
Я чувствую себя спокойнее – каждый знает, какой сектор он должен покрывать огнем, и сол-
даты не натыкаются друг на друга, словно калеки, автоматически повторяя маневр. Я знаю,
что в боевой обстановке, когда над нашими головами будут летать пули, ситуация изменится,
но с этим ничего не поделаешь. Чем лучше солдаты научатся основам, тем меньше они будут
ошибаться в бою.

Я сочиняю для них разные комбинации: огонь противника спереди, сзади и сбоку
машины, проблема с выходом с одной стороны, оставление стрелка на башенке и эвакуация
всех пятерых из горящего транспорта. После двух часов посадки и высадки из «скорпиона»
они, как правило, сыты мной по горло и готовы взбунтоваться. Тогда я их отпускаю, и мы идем
выпить псевдопива в столовой по соседству с медсанчастью.

На висящем над стойкой экране видны протестующие толпы, транспаранты, флаги и
отряды полиции. Кто-то не успел переключить канал. Площадь перед зданием парламента в
столице Раммы заполнили матери и жены рамманских солдат, отправленных в Ремарк. При
поддержке жителей столицы, экоактивистов, социалистической оппозиции из Партии труда и
разного рода смутьянов они требуют окончания войны, которая пожирает очередных жертв.
Парни сидят спиной к телевизору, занятые другими делами.

Гаус показывает пальцем на сорокалетнюю блондинку в звании капитана, которая пьет
за маленьким столиком кофе и читает газету. На базе Эрде женщина – большая редкость,
поскольку генерал Сальте утверждает, что с женщинами во время миссии одни проблемы.
Мужчины в их присутствии глупеют, а те в свою очередь из всех сил стараются доказать, что
в их крови хватает тестостерона. Генерал вежливо игнорирует все упреки, которые бросают в
его сторону феминистки, и остается непреклонным. На сто солдат приходится меньше одной
женщины.

– Немного старовата, но попка недурная, – театральным шепотом говорит Гаус Водяной
Блохе.

– Закрой хлебало! – утихомиривает его Пурич. – Это все-таки офицер. В кутузку захотел?

– Именно, Вим! – Я многозначительно стучу себя по лбу. – Это доктор Линда Заубер,
начальник медсанчасти, охеренная хирургиня. Когда-то она пришила одному парню руку,
которую оторвало «айдиком», а теперь проделала то же самое с тем водителем из третьего
батальона.

– Со мной бы она проделала кое-что другое, – смеется Гаус.

– Ну и дебил же ты, – заявляет Пурич.

– Что ты сказал? – Великан багровеет и поднимается с места. – Ты не мог бы повторить,
Данни?

Несколько голов поворачиваются в нашу сторону. Краем глаза я замечаю, что капитан
Заубер тоже оторвалась от чтения и обводит взглядом зал. Ротт откинулся на спинку стула и
притворяется спящим, Дафни пытается что-то сказать, а Пурич подозрительно крепко сжимает
в руке стакан.

– Рядовой Гаус, сядь, и ни слова больше! Только проблем другим создашь, – шиплю я
сквозь зубы.

Гаус внезапно падает на пластиковый стул и шумно выдыхает. Водяная Блоха хлопает
его по спине и повторяет, чтобы тот не сходил с ума, а то и впрямь хлопот не оберешься.
Пурич просто встает и выходит из столовой. Зато Ротт превосходит сам себя – он в самом деле
начинает храпеть и покачиваться на стуле. Пора возвращаться.

Суббота, 23 января, 02.15

Тревога. В самой середине сновидения о молчаливом чудовище.

Я вскакиваю с койки как ошпаренный, хватаю вещи, еще не зная, в чем дело. Усилы тоже начинает одеваться. К нам вваливается сержант Голя, который выглядит столь бодрым, будто вообще не ложился, и показывает на меня пальцем.

– Маркус, пиздуй к своим, через пять минут выезжаете с базы!

– Что случилось, господин сержант? – спрашиваю я где-то в промежутке между натягиванием штанов и застегиванием разгрузки.

– Нужно проверить, что происходит по другую сторону дороги. Часовые что-то высмотрели в поле. Блядь, капрал, давай быстрее!

Схватив оружие, я бегу по коридору и открываю дверь в комнату парней. Те двигаются будто в ускоренной киносъемке – впрыгивают в ботинки, застегивают ремешки шлемов и по очереди докладывают о готовности. Водяная Блоха слегка мешкает, не будучи демоном скорости, но в конце концов все мы бежим к «скорпиону», вскакиваем в машину, Ротт заводит двигатель. В наушнике слышится голос дежурного офицера, который передает доклад часовых с восточных ворот.

Покидая базу, я уже знаю, что поблизости крутится какой-то человек. Часовые решили, что у него могут быть враждебные намерения, и подняли тревогу. Окрестности базы Эрде частично не застроены. Напротив ворот, сразу за ведущей в город дорогой, простирается обширная, поросшая редкой травой территория, на которой местные пасут коз. Ветер гоняет по земле мусор, тут полно камней и обломков, оставшихся от разрушенных во время войны зданий. В принципе ничего интересного. Кому тут могло понадобиться ходить посреди ночи?

Мы пересекаем дорогу. Особо мы не спешим – у того парня нет никаких шансов сбежать. В бинокле с ноктовизором я вижу зеленую фигуру. Мы проезжаем полкилометра, может чуть меньше, когда Ротт включает передние фары «скорпиона». Их свет выхватывает из темноты закутанного в серые лохмотья мужчину, который, присев за фрагментом стены, копается в песке. Внезапно он вскакивает и прячется – из-за груды камней торчит лишь его макушка.

– Включить глушители!

Парни нажимают кнопки на поясах, черные ящички мигают зелеными диодами. Виски пронзает знакомая боль, вызванная электромагнитными импульсами. Я стискиваю зубы, и боль уменьшается.

– Стрелок на позиции! – докладывает Пурич, хватая приклад MG2.

– Дафни, за мной! – кричу я, хотя в том нет необходимости. – Берем его справа, Гаус и Ротт заходят слева. Осторожно, при нем может быть бомба! Включить освещение!

Врубив тактические фонари под стволами автоматов, мы выскакиваем из «скорпиона» и осторожно, но умело окружаем незнакомца с обеих сторон. Мы уже за грудой обломков. Лучи света скрещиваются на заросшей физиономии ремарца, который натягивает на лоб шапку и воет от ужаса.

Ротт спрашивает его на ломаном ремаркском, что он тут делает. Тот продолжает выть, закрыв лицо руками. Мы стоим метрах в пятнадцати от них, изнывая от бездействия. МСК сняты с предохранителя, пальцы почти касаются спусковых крючков. Водяная Блоха с этого расстояния может отстрелить нарушителю любую часть тела. Ротт начинает кричать, чтобы тот снял куртку и показал, что под ней. Мужчина трясущимися руками расстегивает молнию.

Под ватной курткой нет ничего, кроме дырявого свитера. На ногах – вытянутые на коленях спортивные штаны. Кроссовки в предыдущем воплощении, скорее всего, были белыми.

– Гаус, обыщи его!

Вим за несколько прыжков оказывается рядом с несчастным, хватая его за шиворот, словно тряпичную куклу, и ощупывает одежду. Из кармана куртки вытаскивает смятый полиэтиленовый пакет, но больше ничего не находит. Со злостью швырнув жертву на землю, дает ей крепкого пинка. Я чувствую, как от возбуждения дрожат ноги. Охотнее всего мы сейчас

подбежали бы все к мужику и забили его насмерть. Потом можно было бы сказать, что он оказал сопротивление.

Наш несостоявшийся террорист, похоже, слегка недоразвит. Он говорит, будто вечером, когда шел домой, что-то тут потерял. Ротт не уверен, идет ли речь о часах или о каком-то религиозном браслете. Мужик всю ночь не мог заснуть и вернулся искать пропажу. Отличная идея – особенно если учесть, что у него сразу же села батарейка в фонаре, а территория соседствует с базой. И под конец, если мы правильно поняли, у него прихватило живот, и он как раз закапывал говно в песок, когда угодил под свет наших фар. Ничего не скажешь – героическая победа над пастухом на обосранном поле.

Я велю ему проваливать к себе и благодарить богов, что он возвращается целым и невредимым. Похоже, он понял, поскольку внезапно вскакивает и бежит в сторону маячащих вдали строений. Я докладываю на базу, и мы грузимся обратно в «скорпион».

Больше нам тут нечего делать.

Суббота, 23 января, 17.00

На этот раз занятия проводит только сержант Северин. У двух взводов, первого и третьего, под командованием его и сержанта Голи, невеселые физиономии. Борис Северин традиционно начинает с ругани, причем справедливо проходится по всем – по капралам и рядовым, по ответственным за подготовку в гарнизонах и кадрам лагеря в Сиракусе, они же «лесные деды» и «старые ломаные херы». Он повторяет, что мы – не солдаты, а любители.

Северин развешивает на стене приготовленные Голей иллюстрации, на которых изображен сверху патруль в пешем строю, движущийся по улице. Он начинает с того, что выстраивает отделение и показывает на рисунках, как должны вести себя солдаты в одиночной колонне.

– Мать вашу! – начинает сержант. – Кто вам вбил в башку, что все вы должны таращиться перед собой? Вы что, такие любопытные, что готовы забыть про собственную жопу? – Он ударяет кулаком по столу. – Запомните раз и навсегда то, что я сейчас скажу.

И парни послушно запоминают.

Солдат номер один обеспечивает страховку прямо перед собой и отвечает за проверку окон, дверей и углов по своей стороне улицы.

Солдат номер два обеспечивает страховку прямо перед собой и слегка наискось, контролируя окна и двери на уровне первого этажа в зданиях на другой стороне.

Солдат номер три контролирует противоположную сторону улицы, окна и двери выше первого этажа.

Солдат номер четыре контролирует верхние этажи по своей стороне улицы.

Солдат номер пять перемещается вперед, повернув назад голову, туловище и автомат.

– И никак, блядь, иначе! – говорит сержант.

Тяжелее всего приходится последнему в колонне, и эту задачу следует поручать тренированным бойцам. Нужно также регулярно их менять, чтобы они не падали от усталости и у них не сводило мышцы.

Потом нам показывают два, три и четыре отделения, которые идут в колоннах по обеим сторонам улицы. Штурмовое подразделение и подразделение страховки, подразделение поддержки и, наконец, командная группа, если она не осталась у машин. Информации полно, а мы не выспались и раздражены из-за ночного происшествия. Даже Дафни перестал подшучивать и лишь закрывает ладонью рот, когда зевает. Гаус ковыряет носком ботинка пол, бросая все силы своего интеллекта на фронт учебы. Ротт сидит со скучающим видом, а Пурич беззвучно перебирает четки.

Четверг, 28 января, 21.00

Армагеддон выглядит примерно так же, как и все остальное.

Час назад база подверглась минометному обстрелу. Сразу же после атаки разведка подняла дроны, «соколы» нашли площадь, откуда раздались выстрелы, а «фениксы» открыли огонь по находившимся там повстанцам. Голя рассказал, что все действовавшие поблизости патрули и ВБР из первой роты окружили группу религиозных фанатиков и перестреляли их всех до единого – всего одиннадцать человек. На все это потребовалось меньше получаса, двое солдат получили легкие ранения. Командиры наверняка жалели, что не удалось взять пленных, но это уже не наша проблема.

Пейзаж после бомбардировки – лучшее, чем тысяча слов, описание того, как выглядит наша база. Снаряды попали в здание, где находится кухня, и в плац. На кухне погибли старший повар и его помощник, сортировавшие припасы и готовившие еду на завтра, – они не успели спрятаться в укрытие. Один снаряд угодил в ряд синих туалетных кабин, убив рядового Филда, решившего в этот момент воспользоваться одной из них. Повсюду валяются обломки пластика, а гейзер из говна забрызгал стену ближайшего дома. Мы все еще ходим по плацу и ищем останки нашего товарища, который героически погиб, сидя на горшке.

Ко мне подходит сержант Голя, дрожащими руками прикуривая сигарету. Я показываю ему место, где нашел ботинок погибшего солдата с оставшейся в нем окровавленной ступней. В ушах слышится нечто похожее на писк радиоволн. Такое ощущение, будто над плачем пролетела смерть. Но это не моя смерть.

– Вы можете тренироваться, осваивать все, чему мы вас учим, а какой-то гребаный дикарь убивает вас на толчке, – говорит сержант. – Стоит ли удивляться, что я не могу с этим смириться?

– Капитан Бек позвонит родителям и наверняка сообщит им, что их сын героически погиб в бою, – отвечаю я, держа в руках тот самый гребаный ботинок.

– Только последний лох может дать себя убить, Маркус. Только, блядь, последний лох, понимаешь?

– Так точно, господин сержант.

– Как это у тебя получается всегда оставаться таким спокойным?

– Я приехал сюда, чтобы умереть, – честно говорю я.

Голя смотрит мне в глаза словно не понимая. Он пережил уже столько миссий, что ведет с врагом свою личную войну ради того, чтобы его подчиненные вернулись домой. Он ненавидит партизан, но еще больше ненавидит правительство и командиров, которые нас сюда послали. А я, обычный растяпа из территориальной обороны, разрушаю весь его мир.

Он меня не знает. Ему неизвестно, что я пытался когда-то сделать с самим собой. И он не поймет того, о чем я говорю, как бы он ни старался. Думаю, это превышает его возможности, и именно сегодня сержант приложится к бутылке контрабандного самогона. Он настолько зол на меня и на весь мир, что даже не кричит.

Мы относим находку в медсанчасть, где лежат прочие останки Бруно Филда. Первый батальон пехоты, вторая рота, третий взвод, второе отделение. Одни лишь пустые слова, которые ничего не значат.

Вечная ему память!

Глава третья

Понедельник, 1 февраля, 04.05

Харман, провинция Саладх, южный Ремарк

Дорогой мой сынок, первый месяц ремаркских каникул уже позади. Не стану тебе рассказывать о погибших за это время товарищах – все равно ты не сумеешь связать их имена и солдатские звания с лицами, странными анекдотами и всеми теми мелочами, которые отличают одного человека от другого. В твоей памяти они развеются на следующий же день.

Вместо этого я расскажу тебе историю Зорана, нашего переводчика, которого старшие солдаты знали еще по предыдущему контингенту. Я встретился с ним еще в пятницу после службы – мне было интересно, как выглядит здешняя жизнь, о чем разговаривают ремарцы дома или когда идут за покупками.

Зорану было двадцать восемь лет, и он был женат на своей ровеснице. Они познакомились еще в лицее, и любовь их не угасла, пока он изучал архитектуру в городе Рамма. Там он научился нашему языку, хотя учебу ему пришлось прервать, когда началась война.

Он вернулся на родину, к жене и маленькому сыну. Ему удалось завербоваться в армию, он сражался с готтанцами. Семья каким-то образом сумела пережить этот ад. Потом он работал урывками, иногда шоферил, с трудом зарабатывая на жизнь. Когда наши искали переводчика для Четвертого контингента, он предложил свою кандидатуру и прошел проверку. Видишь ли, сынок, – каждого кандидата проверяет военная разведка, и вовсе недостаточно хорошо говорить по-раммански. Нужно еще иметь кристально чистое прошлое – иначе эту работу не получишь.

Последние два года Зоран не мог признаться близким, даже отцу и матери, что работает на МСАРР. Лишь жена обо всем знала и умирала от страха. Партизаны охотятся на переводчиков и их родных. В этой стране, мой дорогой, люди верят в разных богов, есть семь крупных храмов. Самый худший из них – храм Ареса. Его последователи объявили, что каждый, кто сотрудничает с нами, – изменник, а за измену арейцы карают смертью.

Так что в родном городке Зорана под Портсаилом все считали, будто тот работает в Хармане водителем. Он не слишком часто навещал жену и изо всех сил старался изменить внешность, когда ездил с нами: отпустил бороду, обматывал лицо платком и надевал защитные очки. Ночь он всегда проводил в казарме, не выходя в город. Но кто-то, видимо, его узнал и донес куда надо.

Вчера вечером он узнал, что в его доме побывали партизаны, которые выволокли оттуда его жену и сына. К счастью, их не пытали – просто застрелили посреди улицы, на глазах других жителей. Соседи сообщили семье, и отец парня позвонил ему, чтобы сообщить это страшное известие. Мы узнали обо всем уже после случившегося.

Зоран никому ничего не рассказал. Он долго бродил по базе в поисках солдата, который оказался бы достаточно небрежен, чтобы не уследить за оружием. В конце концов он вырвал автомат у какого-то вернувшегося из патруля салаги, приставил дуло себе к подбородку и нажал на спуск. Так заканчивается эта история, сынок. История парня, который пережил войну с готтанцами, а потом в каком-то смысле погиб от рук своих соотечественников – за то, что переводил нам с их языка и помогал решать повседневные вопросы. Он совершил преступление, которое здесь не прощают.

Вторник, 2 февраля, 14.55

Лейтенант Остин и лейтенант Мюллер сидят с кислыми физиономиями у стены клуба. Внезапное собрание помешало их планам, а может, даже вынудило совершить нечто сверх обычного. Сержант Земек, командир второго взвода, подходит к ним и что-то шепотом объясняет, показывая на входную дверь.

Вскоре на пороге появляются капитан Бек и незнакомый офицер в звании майора – худой невысокий тип, с бородой, что в нашей армии бывает крайне редко. Сняв темные очки, он окидывает взглядом собравшихся. Мы стоим по стойке смирно, не понимая, в чем дело.

– Вольно! – командует он.

Мы снова садимся на раздолбанные стулья, а Бек и незнакомый майор занимают места впереди, рядом с лейтенантами. Шум разговоров становится громче. Ларс Норман наклоняется ко мне и заявляет, что это наверняка кто-то из разведки. Час назад прилетел вертолет с несколькими офицерами. Похоже, самоубийство нашего переводчика вызовет серьезные последствия.

– Господа! – начинает Бек, встав перед нами. – Разрешите представить вам майора Ральфа Вилмотса из военной разведки, который хотел бы сказать вам несколько слов.

– Ну вот, я же говорил, – шепчет Норман.

– Рота, прошу тишины! – продолжает капитан. – Господин майор коротко расскажет вам о текущей ситуации и обрисует задание, которое предстоит выполнить. Если будут вопросы – прошу задавать их после своим командирам.

Гость снимает фуражку, кладет ее на столик и занимает место Бека.

– Солдаты, – слегка хрипло произносит он. – Военная разведка отметила повышенную активность мятежников в Хармане и окрестностях. Под особой угрозой находятся запад и юго-восток Хармана, а также территория от селения Саддра до подножия Волчьих гор, – Вилмотс показывает несколько мест на карте провинции. – Помимо того, в пустыне Саладх мы наблюдаем конвои из гражданских машин, которые, возможно, тайно переправляют оружие для боевиков Эвана Гарсии и других экстремистских группировок. Это означает, что в ближайшие недели можно ожидать наступления противника и кровавых атак на патрули Миротворческих сил. Недавний обстрел вашей базы, как и попытка устроить засаду на конвой со снабжением, направившийся на базу Кентавр, подтверждают данную версию. Соответственно, вам придется еще больше усилить бдительность и после каждого патруля подробно докладывать о подозрительном поведении местных жителей. – Майор холодно смотрит на нас. – Это все, что я хотел вам сказать. Задачу я изложу в более узком кругу. Сейчас командир роты перечислит несколько фамилий.

Капитан Бек поднимается с листком бумаги в руке и начинает читать:

– Старший штабной сержант Ян Голя, старший сержант Эдвард Крелл, старший сержант Борис Северин, старший капрал Роберт Логги, старший капрал Маркус Трент... – При этих словах мне становится теплее. – Старший капрал Самуэль Лист, капрал Петер Усиль, капрал Йонас Борн, старший рядовой Юрген Кульме, старший рядовой Виктор Сатт, старший рядовой Даниэль Пурич, старший рядовой Горан Лукас и старший рядовой Джаред Дафни остаются в зале. Остальным – разойтись!

Несколько минут спустя мы сидим в комнате для совещаний командования. Кроме майора Вилмотса, присутствуют еще три офицера военной разведки – капитан и двое лейтенантов – а также командир третьего пехотного батальона майор Гиггс, капитан Бек, лейтенант Остин, лейтенант Мюллер и младший лейтенант Янг. Ну и, естественно, все перечисленные командиром роты солдаты.

Майор Вилмотс прохаживается между нами, набившимися словно сельди в бочке, присматривается к каждому по отдельности, смотрит в глаза, словно ему предстоит непростоящая покупка. В конце концов он усаживается во главе стола, кое-как сколоченного из дре-

весно-стружечной плиты, и начинает инструктаж. Мы наконец узнаём, какая задача нам предстоит.

Сегодня утром разведка определила место, где, вероятно, скрывается Джошуа Кальман, один из командиров Эвана Гарсии. Это небольшой дом на юге Хармана, двухэтажный, во вполне приличном состоянии. Уже несколько часов над ним висит дрон, передающий информацию в центр в Сигарде. Если подозрения подтвердятся и Кальман будет опознан, наша задача заключается в том, чтобы окружить дом, войти внутрь и схватить или убить террориста. Сбежать он не должен – в том состоит приоритет операции «Юкка».

Вилмотс объясняет нам, что в обычных обстоятельствах за поимку цели отвечал бы один из отрядов спецназа, однако перебросить «ос» на юг Ремарка пока невозможно, поскольку они выполняют другие задания. Поэтому для данной миссии, в которой мы будем участвовать вместе с офицерами разведки, выбрали нас, что подтверждает особое доверие, оказанное нам армией.

Мы чувствуем себя чертовски польщенными.

– Можно вопрос, господин майор? – спрашивает Йонас Борн.

– Да, капрал?

– Почему выбрали именно нас?

Вилмотс смотрит на него так, будто перед ним гибрид таракана с пауком, и не достаивает ответом. Слово берет майор Гиггс, исполняющий роль хозяина.

– Ваши непосредственные командиры называли солдат, отличающихся преданностью и хладнокровием. Мы не отправили бы для поимки Кальмана тех, кто мог бы нас подвести. Вы безупречно несете службу с самого начала миссии и обладаете чертами, которые могут пригодиться при выполнении задания.

Сержант Голя и сержант Крелл – матерые волки, а на счету Северина, хотя он моложе их на несколько лет и не столь опытен, немало тяжелых операций, как и у Лотти и Листа, убивших нескольких террористов во время облавы, устроенной два года назад в окрестностях Портсала. Дафни, Сатт и Лукас стреляют лучше всех в роте, а Пурич и Кульме имеют медицинскую подготовку и знают ремаркский. Но Усиль, Борн и я не выделяемся ничем особенным, и в самом деле трудно сказать, почему мы попали в эту группу.

Мы получаем приказ не обсуждать подробности инструктажа с товарищами. Нам следует забрать из казармы оружие и снаряжение, а затем вернуться в клуб, где мы будем ждать дальнейших распоряжений.

Что-то наконец начинает происходить, и у некоторых всерьез поднимается настроение, но сержант Голя словно ушел в себя и не отвечает на мои вопросы, а Лотти нервно чешет голову. Мы с Усилем забираем всех и отчитываемся перед лейтенантом Остином.

В воздухе все еще висит вонь от разбомбленных туалетов.

Последний инструктаж. Время – двадцать один пятнадцать, и мы ждем уже столь долго, что любой лай собаки или громкий пердеж может привести к взрыву. Усиль утверждает, будто я невольно скриплю зубами.

Майор Вилмотс распределил нас по четырем отделениям, поставив каждому задачу. Я попал в один из двух штурмовых отрядов – нам предстоит входить в дом спереди, в то время как второй отряд атакует его со стороны черного входа. Старшина Гармонт выдает нам дополнительное снаряжение – ИК-жилеты с кодом «круг-крест-квадрат» и очки ПНВ, в которых мы выглядим словно насекомые-мутанты.

Всего нас двадцать человек. Лейтенант Мерстрем будет возглавлять отделение, в состав которого, кроме сержанта Голи и меня, входят также Пурич и Лист. Мне известно лишь, что Водяная Блоха со снайперской винтовкой должен страховать здание со стороны сада, а Усиль во втором штурмовом отряде. Мне хочется, чтобы эту сволочь Кальмана наконец засекли. Что

удобно, лишь бы закончилось ожидание. Я как раз застегиваю жилет, когда поступает приказ выезжать.

«Юкка» начинается по-настоящему.

Едем на четырех «двухсотках», но без стрелков при MG2. «Скорпионы» мчатся по шоссе в сторону центра, а потом вдруг сворачивают вправо, на разбитую объездную дорогу. Интересно, библейская тьма, царящая в южных кварталах города, – обычный перерыв в подаче электричества или кто-то специально выключил освещение?

Наша машина едет первой. Мы с Голей и Листом теснимся сзади. В какой-то момент я чувствую глухой удар, мы слегка подпрыгиваем на выбоине, а Пурич, который ведет «скорпион», быстро крестится и сплевывает под ноги.

– Что такое, Даниэль? – слегка нервно спрашиваю я.

– Докладываю: я кого-то сбил, – отвечает Пурич. – Он полез под колеса, Маркус. Вот ведь блядство.

– Не думай об этом, – бросает Голя. – Те, кто едет следом, наверняка ему еще добавили.

– Сосредоточьтесь на задании, солдат, – говорит лейтенант Мерстрем, глядя в потолок. – Сворачиваем на следующем съезде.

Перед глазами, словно снежинки, кружатся синие хлопья – обрывки чьего-то присутствия, парящие в этом жарком сне наяву. Кто-то меня зовет, возвращая к реальности. Я тру усталые веки и вглядываюсь в ночь, из которой фары «скорпиона» выхватывают фрагмент улицы.

Район Хармана, где прячется Кальман, – достаточно спокойное место. С начала января сюда лишь однажды посылали ВБР, когда в одном из дворов раздались выстрелы. Оказалось, это свадьба богатого лавочника. Жених и его приятели устроили салют, а трусливая ремаркская полиция боялась войти в дом. Норман рассказывал, что его отряд стал украшением вечера. Отец невесты угощал их водкой и пряной фетией. Им пришлось немного посидеть за столом, чтобы не обидеть хозяев, и они вернулись в превосходном настроении.

Вокруг темно и мрачно, начинает моросить дождь. Жизнь в окрестных зданиях словно замерла. Город нуждается в электрической крови, переносящей свет и информацию. Кое-где под навесами стоят группки молодежи – парни на скутерах и девушки, которые светят фонариками в нашу сторону. Нам приходится спешить, пока кто-нибудь не предупредил Кальмана. Лейтенант Мерстрем повторяет эту фразу словно мантру.

На последнем перекрестке мы разделяемся. Два «скорпиона» подъезжают к дому террориста со стороны фасада, два окружают его сад с другой стороны. Как только водители останавливают машины, мы выскакиваем наружу, включая очки и системы связи. Все тонет в зеленоватом свечении, начался дождь, струи которого напоминают фольгу. Ни хрена не видать, но мы начинаем действовать.

«Назад, назад, еще назад. Стоп!»

«Скорпион», на котором ехал Вилмотс, подъезжает задом к воротам. Парни пристегивают к одной из створок металлический трос. По обе стороны въезда, у каменной стены, приседают по двое солдат. Наш отряд ждет наготове, спрятавшись за машиной. Оружие снято с предохранителя, сердце колотится что есть силы.

«Всем отделениям! Включить ИК-метки!»

В очках ночного видения солдаты начинают мерцать тремя фигурами в последовательности «круг-крест-квадрат» – каждую секунду, в одном и том же точно настроенном темпе. Круг-крест-квадрат, круг-крест-квадрат. С этого момента любой, кто не носит на себе знака зверя, является потенциальным врагом и нашей целью.

«Вперед!»

«Скорпион» резким рывком выламывает створку ворот вместе с правой стойкой. Заодно валится часть ограды, придавив одного из солдат – кажется, сержанта Крелла. Отличное, блядь, начало. Вилмотс отдает приказ атаковать.

Мы бежим гуськом за лейтенантом Мерстремом, не сворачивая с дорожки – разведка подозревает, что в траве вокруг дома закопаны ловушки. Сапер закладывает взрывчатку под массивную входную дверь. Второй делает то же самое с зарешеченной балконной дверью позади дома. Вскоре слышны доклады:

«Первый готов!»

«Второй готов!»

Мы слегка отходим с оси удара и затыкаем уши. Почти одновременно раздаются два взрыва. Входная дверь повисает на одной петле, приглашая внутрь.

Расположения помещений мы не знаем, и с этого мгновения нам мало что известно. Первым вбегает Голя и прямо в прихожей попадает ногой в кастрюлю с супом. «Твою мать!» Круг-крест-квадрат. За ним – Пурич, единственный вооруженный дробовиком. С разгона он слегка налетает на спину сержанта. Круг-крест-квадрат. Потом я, а сразу за мной лейтенант Мерстрем и Лист.

Справа – вход в ванную. «Чисто!» Слева – стенной шкаф. Пурич едва не вырывает дверь, отодвигая ее в сторону. Справа – еще одна дверь. Я нажимаю на ручку и пинком распахиваю дверь. В комнате стоит мужчина, который опирается о кушетку, целясь в меня из пистолета.

В левом верхнем углу визора у меня фотография Кальмана, но это не он. Я неслышно ухожу в сторону. Мужик стреляет вслепую, пуля повреждает дверной косяк. Сделав два шага вперед, я бью прикладом автомата ему в лицо. Брызжет кровь, выглядящая черной в зеленом свечении. В комнате появляется Мерстрем, который подбирает с пола пистолет и приказывает мне бежать дальше. Поддержка получает приказ прислать кого-нибудь за этим человеком.

В доме слышатся крики и истерический детский плач. Кто-то из второго отделения лупит по голове толстую женщину. Кулак опускается раз за разом, круг-крест-квадрат. В глубине раздается грохот опрокидываемой мебели. Я встречаю Усилия, застывшего посреди гостиной, и мы взбегаем по лестнице на второй этаж. Дверь в конце коридора заперта, так что Пурич стреляет из дробовика в замок. Мы вваливаемся внутрь в то самое мгновение, когда кто-то спрыгивает с балкона. Я выглядываю наружу.

Какой-то мужчина бежит в сторону сада. Со стороны ограды раздается выстрел – и он падает наземь.

«Верх чист!»

«Низ чист!»

«Четвертое отделение, проверить личность беглеца!»

Мы снова спускаемся на первый этаж.

В кухне лежит мертвый мальчик, на вид лет шести. Вой склонившейся над ним девочки заглушает крики в наушнике. Приказ покинуть здание доходит до меня с некоторым опозданием.

Среда, 3 февраля, 02.00

Идти спать нам не позволили. Майор Вилмотс по очереди вызывает всех участников операции в кабинет Гиггса. «Юкка» завершилась успешно: застреленный перед домом мужчина – Джошуа Кальман. Майор, однако, не поздравляет нас, расспрашивая о подробностях. Думаю, все дело в убитом ребенке, а если точнее, в нашем молчании, поскольку каждому из солдат майор повторяет, чтобы тот не распространялся об «инциденте».

Я вхожу одним из последних, вытянувшись по стойке «смирно» напротив Вилмотса, который за столом командира базы Эрде чувствует себя как дома. Майор Гиггс и капитан Бек курят у окна. Вилмотс вглядывается в меня серыми глазами.

– Господин майор! – по уставу докладываю я. – Капрал Маркус Трент, девятая рота, взвод быстрого реагирования, третье отделение, по вашему приказанию прибыл.

– Вольно. Как долго вы служите в армии?

– Два с половиной года, господин майор. И полтора года в территориальной обороне.

– Вы помогли захватить пленного, капрал. Мы подозреваем, что это двоюродный брат того ублюдка, Эвана Гарсии. – Вилмотс продолжает сверлить меня взглядом. – Лейтенант Мерстрем доложил мне, как вы действовали. Тот в самом деле был вооружен, когда вы вошли в комнату?

– Так точно, господин майор.

– Почему вы не стали в него стрелять, а решили просто оглушить?

– Докладываю: когда я вошел в комнату, было темно. Террорист был дезориентирован: вероятно, его разбудил взрыв. Он целился полностью вслепую.

– Любой нормальный солдат, видя нацеленное на него оружие, всадил бы в него очередь из автомата. Поэтому повторяю вопрос: почему вы его не убили?

– Я оценил ситуацию и решил попытаться застичь его врасплох.

– И вы не боялись за свою жизнь?

– Не помню, господин майор.

– Все, капрал. Свободны.

Пятница, 5 февраля, 08.20

Душ после утренней зарядки. Джаред Дафни стоит под струей воды, раскачиваясь, словно страдающий аутизмом ребенок. Парни хлопают его по спине: «Водяная Блоха, не спи!», по очереди выходя в раздевалку. Мы молча одеваемся – вечерний патруль всерьез нас измотал.

Я сажусь на скамейку рядом с Дафни. У него дрожат руки, когда он завязывает ботинки. Я жду, когда остальной взвод побежит в казарму. Крикливая деревенщина.

– В чем дело, Джар?

– Ничего особенного, Маркус.

– Говори немедленно, блядь, что с тобой творится.

– Я убил человека. – Дафни обхватывает голову руками и замирает.

– Ты стрелял как снайпер, в самое сердце попал. Ты убил Джошуа Кальмана. На ближайшей проверке тебя наградят.

– Я не хотел его убивать. – Он начинает плакать. – Это всё мои руки и глаза. Они сами все сделали, чтобы точно попасть. Такой рефлекс, шеф. Я прицелился – и попал. Блядь, сам не знаю, почему в сердце. Я хотел его только ранить.

– Этот подонок не заслужил суда. Ты слышал о семье Зорана? Знаешь, почему парень покончил с собой?

– Не знаю, Маркус.

– Кальман отдал приказ убить его жену и ребенка, – без зазрения совести лгу я. На самом деле никто не знает, кто отдал тот приказ. – Он приказал выволочь обоих на улицу и застрелить прямо посреди селения.

– Правда? – Водяная Блоха смотрит на меня полными слез глазами.

– Да. И именно таких сволочей мы отправляем на тот свет. Ты спас многих людей, Джаред. Тебе следует гордиться, а не жалеть всяческое дерьмо.

Солдат спокойно встает, застегивает ремень и вперевалку идет к двери, но потом поворачивается ко мне и улыбается – кажется, впервые после операции «Юкка». Хороший знак. Я улыбаюсь в ответ.

– Спасибо, – просто говорит он и выходит.

Я решаю немного подождать – нужно за ним понаблюдать. Каждому солдату в такой ситуации полагается помощь психолога. Но в нашей армии ходить к «психу» считается позором, и сержант Голя решительно отговаривает от подобных визитов. А мне кое-что известно о жизни сумасшедшего, и я знаю, что лучше справиться самому, не прибегая к помощи целителей.

Порой, однако, когда душа трещит по швам, иного выхода просто нет.

Воскресенье, 7 февраля, 10.00

Сегодня мы с Усилом не на службе. Ковыряемся в Сети и болтаем о всякой ерунде, поскольку Петер никак не относится к числу гениев. Ему нравятся мотоциклы, особенно гоночные, а в свободное время он смотрит автомобильные катастрофы и смешные ролики, которые подобные ему мыслители от скуки заливают в Синет. Но в такое утро можно хоть немного отдохнуть, и это уже хорошо.

В нашу комнату заходит сержант Голя. Он бормочет что-то насчет того, чтобы мы привели себя в порядок, так как нам предстоит пойти прогуляться.

– Хочу вас кое с кем познакомить, – говорит он уже в коридоре.

– Что вы так улыбаетесь, сержант? – спрашивает Усиль.

– Увидишь.

Мы выходим из казармы. На улице тепло, пятнадцать градусов с лишним. Небо голубое как летом, прилично пригревает солнце. Мы направляемся к длинному зданию возле командования базы, где живут гражданские работники и переводчики. У дверей стоит сержант Крелл, который ругает на чем свет стоит какого-то солдата. Его правая рука висит на перевязи – он вывихнул ее, когда во время операции рухнула та чертова стена. Капрал Борн пострадал еще больше, лишившись двух зубов от удара кирпичом.

Крелл известен в роте своим вспыльчивым характером. Никто не завидует парням из четвертого взвода, когда они напортачат и пытаются увильнуть, – старый солдафон с места в карьер надлежащим образом именует их матерей, а хуи, которыми он их обкладывает, обладают воистину африканскими размерами.

– Как дела, Эд? Как рука? – спрашивает Голя.

– Да ничего, блядь, так себе. Завтра должны снять эту срань.

В здании у гражданских пахнет намного приятнее, чем у нас. Часть его обитателей – женщины, работающие на кухне, обслуживающие почту и занимающиеся кадровыми вопросами. Вряд ли их больше десятка, но, думаю, правят здесь именно они, не позволяя мужикам устроить свинарник. На одном из столиков даже стоит изможденный цветок.

Мы поднимаемся на второй этаж и сворачиваем направо. Я помню, что Зоран жил в этом крыле здания, и уже начинаю подозревать, почему так таинственно улыбался сержант. Но такого я не ожидал.

Голя стучит в дверь, и ему открывает миниатюрная брюнетка ростом метр шестьдесят, подстриженная почти под ноль. Темный пушок на голове, темные брови над большими глазами. Бледное лицо, словно слегка уставшее от недосыпа. Она с любопытством смотрит на нас.

– Добрый день, Неми, – вежливо кланяется Голя.

– Добрый день, сержант. – У девушки приятный, низкий голос. – Зайдете на минутку?

– С удовольствием. – Мы заходим в маленькую, но чистую комнатку и садимся где попало, я на краю койки. – Я привел двух командиров отделений. Будешь с ними сотрудни-

чать во время операции. С остальными познакомишься вечером, когда они закончат службу. Надеюсь, договоритесь.

– Неми Сильберг, – представляется переводчица.

– Капрал Маркус Трент.

– Капрал Петер Усиль, очень приятно, – похоже, мой товарищ сейчас обслуживит пол.

Выясняется, что Неми родом из окрестностей Йона и долго ждала шанса попасть в МСАРР. Она говорит медленно, словно задумываясь над каждой мыслью – наверняка потому, что язык для нее не родной. Но вполне открыта и любит поболтать.

Мы узнаем, что ее отец был рамманцем, инженером на строительстве Восточной авто-страды. В Йоне он познакомился с ее матерью, они полюбили друг друга, но не поженились. Потом, когда ей было пять лет, он уехал. Она решила выучить рамманский и когда-нибудь перебраться в Сигард или город Рамма – именно потому ей так хотелось работать переводчицей. Сейчас это единственный надежный вариант.

Мы немного рассказываем ей о себе, но в основном это отрывочная чепуха. У Голи то ли нет времени, то ли он не хочет злоупотреблять гостеприимством – в конце концов он велит нам собираться, и мы выходим из комнаты. Петер явно возбужден.

– Недурная штучка, – безостановочно болтает он. – Не знал, блядь, что армия берет на работу переводчиц. Сколько ей лет, господин сержант? Двадцать пять или около того?

– Двадцать восемь, капрал. И придержи коней, твою мать.

– Но ведь хоть какой-то наконец позитив, господин сержант, – не унимается Усиль. – Может, удастся с девчонкой снюхаться. Все-таки, когда ты молод и красив...

Мы на мгновение останавливаемся.

– Петер, что за херню ты несешь? – Голя стучит себя по лбу. – Во-первых, никаких глупостей – если она кому-нибудь пожалуется, «жетоны» быстро доберутся до твоей задницы. Во-вторых, она из местных, то есть потенциальный враг. Вроде как проверенная, но с переводчиков лучше не спускать глаз. Так что забудь.

Думаю, генерал Доминик Сальте прав – от женщин на базе одни проблемы. Хватило нескольких минут, чтобы у Усиля поехала крыша. Ничего удивительного – вокруг воняет мужским потом и видны одни лишь мужские рожи. И все-таки я не рассчитывал, что он настолько одуреет. Сегодня наверняка посидит на горшке, чтобы снять напряжение.

Что не меняет того факта, что Неми Сильберг и в самом деле симпатичная.

Четверг, 11 февраля, 09.05

Лейтенант Остин принимает от обоих сержантов рапорт об успешном прохождении тактических занятий. Сам он не нашел времени лично проверить, как мы передвигаемся по улице, но Голя и Северин довольны нашими успехами. А мы, командиры отделений, довольны, что не дали маху.

Дальше наступает время для действий внутри зданий – целая куча сведений, которые после всех учений мы в теории должны знать назубок. Нужно выбрать самое важное, так что сержант Голя развешивает свои художественные плакаты. Затем вместе с Северином они присваивают каждой стене дома свой цвет, описывают вход внутрь зданий и преодоление лестничной клетки.

Они рассказывают о занятии исходной позиции и разведывательных процедурах, а затем о методах входа в помещения – крестом, крюком и комбинированном. Нужно запомнить все: кто в штурмовой группе бросает гранату при «горячем» входе, какое влияние на выбор метода оказывает ширина дверного проема, а также то, открыта ли дверь, закрыта или свисает как попало с косяка. У меня создается впечатление, будто моим людям никогда этого не освоить, но я прилежно записываю все, что может пригодиться во время операции.

В перерыве выбегаю покурить – в здании, где находится клуб, никто не предусмотрел курилки. Я как раз пытаюсь представить, как мы должны входить в помещения, мимо которых прохожу, когда за моей спиной раздастся голос Пурича. В нем чувствуется некая неуверенность.

– Маркус, можно тебя на минутку?

– Что случилось, Даниэль?

– Не знаю, как сказать... не хочу быть ябедой. – Пурич переминается с ноги на ногу. – Знаешь... я человек религиозный, и мне не все нравится.

– Говори прямо, Даниэль. Потом подумаем, что с этим делать.

Я закурываю сигарету. Перерыв сейчас закончится, и у меня так и будет сосать под ложечкой.

– Речь про алкоголь и, может, про наркотики.

– Какой еще алкоголь?

Пурич несколько мгновений медлит.

– Знаю, это глупо звучит, но я терпеть не могу пьянство. – Похоже, у него и впрямь проблемы. Возможно, сейчас он вспоминает собственное детство и устраивавшего скандалы отца. – Некоторые солдаты покупают самогон у местных и тайком проносят его на базу. И его все больше. Парни пьют по вечерам.

– Наши тоже? В нашем взводе?

– Да, наши тоже, – он на мгновение задумывается. – То есть иногда. И не все.

– А в нашем отделении?

– Маркус, я бы не хотел...

– Ладно, не важно. – Я смотрю ему прямо в глаза. – Скажи мне, кто поставляет водку и товар от местных. Кто у нас такая предприимчивая сволочь? Я должен знать, чтобы что-то с этим сделать.

Старший рядовой с несчастным видом устремляет взгляд в землю.

– Только не говори никому, что это я...

– Не скажу! – Я стараюсь, чтобы мои слова прозвучали как можно убедительнее.

– ...иначе потом я окажусь в полной жопе.

– Даниэль, я не кретин. Перерыв сейчас закончится, так что, если уж начал говорить, выкладывай, и делу конец. Скажи только, кто покупает и таскает сюда эту дрянь.

– Джим Ротт и Роберт Лотти, – говорит Пурич и шумно выдыхает.

А я чувствую, что мне улыбнулась удача. Поглядим, Ротт, насколько теперь хватит твоей наглости.

Суббота, 13 февраля, 13.20

Мы приближаемся к зданию мэрии, в самом центре Хармана. Приходится пробиваться сквозь толпу, окружившую резиденцию городских властей. Люди волнуются, истерически кричат, летят бутылки и кирпичи из разрушенного здания. Нас вызвал комендант здешней полиции, обнаружив, что его силам самостоятельно с ситуацией не справиться.

Полицейские оттесняют напуганных горожан, давая нам возможность проехать. В ход идут дубинки и водометы. Толпа хочет добраться до дверей здания, поскольку в одном из его крыльев хранятся лекарства из гуманитарной помощи и детское питание. Кто-то выдал конфиденциальную информацию, и в городе начался ад. Нас оторвали от обеда, не дав доесть. Вдобавок ко всему ВБР с базы Кентавр, которому было ближе всего, наткнулся на «айдик» и подвергся обстрелу партизан.

Мы пробиваемся на «скорпионе» почти четверть часа. Я уже почти не сомневаюсь, что мы превратим кого-то в фарш, когда наконец въезжаем на площадь имени полковника Бальта-

зара, на которой находится мэрия. Кордон полиции, прикрываясь щитами, медленно отступает в сторону здания. Ремарцы в «черепахах» и шлемах со щитками выглядят полностью измотанными. Остановившись полукругом позади них, мы высыпаем из машин – два взвода быстрого реагирования из первого и третьего пехотных батальонов, всего сорок с лишним человек.

Стрелки остаются на башенках, держа в руках приклады MG2. Пока они целятся в воздух, над головами разъяренных людей. Это должно несколько успокоить толпу, но я не вижу никакой разницы. Из нашей «двухсотпятидесятки» высаживаются сержант Голя и Неми Сильберг. Лейтенант Остин тоже на месте; он подходит к ремаркскому офицеру с переводчиком из командования базы, затем бежит к нам и отдает сержантам приказы. Капитан Бек тем временем идет к мэрии в сопровождении двоих солдат. Полицейские снова отступают на шаг, почти упираясь в наши машины.

Неми незаметно показывает сержанту на скрывающихся в толпе служителей культа Ареса. Пока мы ехали сюда, она объясняла нам, что беспорядки вовсе не случайны. Она почти уверена, что за подобными вспышками стоят именно арейцы и гадейцы, которые поддерживают террористов и готовы на все, чтобы свергнуть гражданские власти. Вместе с Голей она подходит к кордону полиции, похожая на миниатюрного солдата – в шлеме, полевом мундире и тактическом жилете. И тем не менее ее рост и внешность вызывают у меня улыбку.

– Второе и третье отделения, за мной! – кричит Голя.

Мы с Ларсом Норманом отлипаем от «скорпионов» и бежим вместе со своими людьми за сержантом. Оружие снято с предохранителя, и мы больше не притворяемся мирно настроенными туристами. Мы целимся в толпу. Полицейские расступаются, пропуская нас. Люди, видя дула автоматов и наши разозленные лица, инстинктивно перестают напирать.

– Это он?! – спрашивает сержант Голя.

– Да.

Сержант хватается за бородатого мужика за свитер и притягивает к себе. Только теперь я замечаю у него на груди медальон в форме собачьей головы. Явно застигнутый врасплох, он отчаянно вопит и пытается вырваться, но Голя держит его словно в тисках.

– Скажи этому сукину сыну, что я его сейчас пристрелю! – рычит сержант, брызгая слюной. – Я ему башку разнесу, если он не позвонит своим друзьям, чтобы те немедленно успокоили этих людей. Давай, девочка!

Неми, перекрикивая толпу, переводит его слова бородачу. Тот качает головой, словно пытаясь возразить. Какой-то мускулистый парень с бритой головой хватается за плечо и пытается оттащить. Я говорю Гаусу, чтобы тот ему врезал, и солдат, словно с неохотой, бьет парня кулаком в нос. Тот падает навзничь, обливаясь кровью, как будто на него обрушился таран.

– Но-ож! – кричит стоящий рядом со мной старший рядовой Кульме.

По другую сторону от служителя культа появился худой мужчина с чем-то блестящим в руке. На мгновение наши взгляды встречаются, и я вижу в его глазах неподдельную ненависть.

– Брось! На землю, сукин сын! – Я целюсь прямо в его изможденное лицо.

Нож летит на землю, мужчина отступает назад.

– Звони, пизда гребаная! – продолжает кричать сержант Голя, словно не замечая происходящего вокруг. – Звони, или я тебя, блядь, ухерачу!

Неми, краснея, переводит. Бородач достает телефон, быстро набирает номер и что-то говорит на гортанном диалекте. В это время со стороны базы Эрде появляются два тяжелых от боеприпасов беспилотных «феникса». Они повисают над площадью, над нашими головами, а дула их орудий то и дело перемещаются слева направо и обратно. Парни из obsługi дронов тоже иногда устраивают демонстрацию силы.

– Передал? – спрашивает Голя.

– Да, но он говорит, что это все равно ничего не даст. Эти люди вышли из-под контроля! – Неми все больше нервничает – первая операция стала для нее кошмаром.

Толпа снова напирает. В нескольких десятках метров дальше дело доходит до драки. Безопасность этого сектора обеспечивает ВБР из первого батальона. Сержант бросает взгляд в ту сторону и неожиданно бьет прикладом МСК в живот арейца. Тот сгибается пополам и оседает на землю.

– Что ж, блядь, тогда поговорим иначе.

Голя спрашивает по радио лейтенанта Остина, можем ли мы дать предупредительные выстрелы. В ответе слышится неуверенность, и я думаю, что крайне плохо, когда на задание попадают такие люди. Мюллер, хоть и гноит людей, по крайней мере быстро принимает решения. А Марсель Остин – попросту обычный бюрократ, которого вытащили из провинциального гарнизона. В конце концов, однако, следует приказ. От нас требуется только не ранить наших «друзей».

– Скорее, твоих, блядь, – говорит в наушнике сержант Северин, который, похоже, не осознает, что включил передачу.

Мы поднимаем автоматы и выпускаем короткий залп в воздух. Площадь начинает бурлить. Первые ряды поворачиваются, пытаются бежать. По крайней мере несколько человек падают. Можно не сомневаться, что наша операция повлечет смертельные жертвы. Завтра ремаркское телевидение покажет растоптанных женщин и детей, и начнутся новые беспорядки.

Полтора десятка тысяч собравшихся на площади горожан начинают отступать. Почувствовав это, полицейские все сильнее оттесняют их от здания. В какой-то момент перед дверями мэрии появляется мэр Хармана с капитаном Беком. Встав на возвышение, он что-то кричит в большой мегафон. Если бы кому-то захотелось его сейчас застрелить, он – идеальная цель. Но пока что желающих нет.

Неми объясняет нам, что власти обещали выдать сегодня часть лекарств и детского питания, что должно начаться примерно через полчаса. Единственное требование ко всем – успокоиться и сформировать очередь.

Сержант Северин приносит известие, что полицейские расставляют барьеры, вдоль которых выстраиваются люди, а мы будем их прикрывать. Предстоит чудесный день, а может, и вечер. Ноги уж точно вывалятся у нас из задницы. У меня остается лишь несмелая надежда, что майор Гиггс пришлет кого-нибудь, чтобы нас сменить, или, по крайней мере, нам привезут пожрать.

Глава четвертая

Воскресенье, 14 февраля, 12.25

Харман, провинция Саладх, южный Ремарк

Дорогой мой сынок, я сейчас думаю о тебе и обо всем том, из-за чего тебя лишился. О событиях прошлого, теперь вполне логичных, но когда-то рассыпанных, словно пыль на улицах Хармана. Лишь с перспективы многих лет узнаешь себя, и потому блуждаешь всю жизнь.

Сегодня День всех влюбленных. Мы не отмечали его с твоей мамой – вроде как ни для нее, ни для меня это не имело значения, хотя, думаю, в глубине души она страдала. Я сделал слишком многое, чтобы причинить ей боль, – такова моя натура. Я даже пытался покончить с собой. Но, как ты наверняка догадываешься, когда-то мы были счастливы.

Мы встретились в странном месте, за три года до твоего рождения. Вместе рисовали картины, слушали музыку, курили мятные сигареты, а прежде всего – часами разговаривали. Мы слушали наших терапевтов, словно ангелов, которые спустились с неба. Они говорили нам, что чернота, переливающаяся внутри, – обычная болезнь, и ее можно из себя выполоскать. А мы им верили и очень хотели выздороветь.

Некоторым пациентам, таким, как твоя мама, удалось начать новую жизнь. Но у других исчерпались все пласты веры, когда они покинули стены ЦРЛ. Я был вынужден почти умереть и потерять тебя, сынок. Бросить все и влиться в чужой мир, чтобы вновь обрести спокойствие. Я много раз пытался тебя увидеть, но твоя мама не простила мне попытки к бегству. И, думаю, она была права, поскольку познала меня намного лучше, чем я сам.

«Gnóthi seauton», «Познай себя», – ироническая надпись на стене храма Аполлона.

Мы всё еще переживаем субботние события на площади полковника Бальтазара. Вечером мы с Усилом и Норманом сидим в столовой и рассказываем друг другу о происшедшем накануне, со всеми подробностями, как будто мы не провели вместе те семь часов и не насмотрелись сполна на охваченную истерией толпу. Все это – разговор из серии «а помнишь, как», цель которого сводится исключительно к тому, чтобы похлопать друг друга по спине.

Потом Ларс Норман показывает фотографию своей жены. Улыбающаяся брюнетка с любовью смотрит в объектив. У них позади первый год супружества, но они знакомы еще с лица. Ларс говорит, что, когда он вернется из миссии, они постараются завести ребенка. Он крайне спокойный парень. В армию попал лишь потому, что в его округе не было другой работы. На севере Раммы в самом деле плохо с заводами и фирмами, и, если по знакомству не устроиться в компанию по производству сосисок или йогуртов, приходится как-то справляться.

Петер Усиль – полная противоположность Ларса. Он то и дело меняет «невест», покупает модные шмотки и любит развлекаться. Он рассказывает, как однажды проснулся в поезде через сто километров после нужной ему станции, без гроша за душой. Высадившись на ближайшей станции, заговорил с мотоциклисткой, которая заправляла свою «хонду» на ближайшей парковке, после чего они встречались полгода, поскольку Петер любит мотоциклы не меньше чем девушек. Он читает все, что ему попадется в руки о гоночных мотоциклах, и уже дважды расшибся, пытаясь показать, на что способен. Но об армии он мечтал с детства и старается работать не покладая рук. Впрочем, для него это не просто работа – скорее, как он выражается, очередной «экстремальный спорт».

Когда приходит моя очередь, появляется Лотти и уводит с собой Усиля. Ларс Норман протирает очки и смотрит на меня, словно пытаясь понять, что мы тут делаем. На него наваливается усталость – суббота полностью нас выпотрошила, и обоим нужно отдохнуть. И все же он спрашивает про мою жизнь. Я знаю, что товарищи по роте считали меня чудаком. Не

помогла и служба в территориальной обороне. Лишь после операции «Юкка» ко мне стали относиться с уважением.

– Что мне тебе сказать, Ларс? – криво усмехаюсь я. – Я пытался учиться, но к чертям забросил учебу. Немного ездил по стране, не зная, куда себя девать. Основал фирму, которая помогала людям возмещать ущерб, и через год обанкротился. Несколько лет работал в бюро по трудоустройству. За это время успел познакомиться с будущей женой и через три года развелся. В общем, обычное дерьмо. Ничего интересного.

– У тебя есть дети?

– Сын, Томас. Скоро ему исполнится пять, но фото я тебе не покажу, поскольку видел его только раз в жизни.

– Да ты что?! Видать, ты всерьез набедокурил, раз жена тебе дала полный от ворот поворот.

– Можно и так сказать, но я предпочитаю не говорить на эту тему, – спокойно отвечаю я, хотя тоска сжимает горло. – В армию я попал примерно как ты, Ларс, – просто некуда было податься.

– И что, понравилось?

– Наверняка бы понравилось, но в коденском гарнизоне был у нас один хер, штабной сержант. Его звали Малькольм Ветт, и он доебался до меня из-за того, что я не хотел прикрывать его левые делишки. В конце концов я попросил перевести меня в ВТО и вернулся в Рамму, где занимался обучением новобранцев. Ничего особо не происходило, и я подал бумаги в МСАРР. И все равно меня взяли только потому, что какой-то капрал сломал руку.

– Значит, подставляешь шею за кого-то другого?

– Все мы подставляем шею за тех, кто сейчас отправляет ребятишек на каникулы. Кто побогаче, едет в горы покататься на лыжах, а кто победнее, смотрит телевизор. А мы сидим в этой засранной стране и не знаем, что будет завтра.

– Этого мы никогда не знаем, – философски констатирует Ларс. – Знаешь, Маркус, ты говоришь немного как Голя. И это, собственно, комплимент. Когда я его в первый раз увидел, то едва не обосрался со страху, но нам повезло, что мы служим под его началом.

– Пожалуй, да, – киваю я. – В любом случае, я рад, что сюда попал. Мне тридцать три года, я самый старший из капралов. А должность инструктора в территориальной обороне мне, честно говоря, давно обрыдла.

Мы болтаем так почти час, но в конце концов приходится встать и вернуться в казарму. В дверях сталкиваемся с Неми Сильберг. Вид у нее подавленный, в столовую она зашла купить сигареты. Я говорю Норману, что она напоминает мне какую-то актрису, и мы начинаем обсуждать фильмы. На наших ноутбуках полно пиратских файлов, и мы можем ими поменяться.

Я страшно устал. На автопилоте обхожу базу, а потом возвращаюсь к себе. Даже не замечаю, как ложусь на койку и засыпаю.

Вторник, 16 февраля, 14.20

Я стучу в дверь сержанта Голи. После занятий по тактике он должен быть у себя.

– Войдите!

Сержант сидит за маленьким столиком, читая завернутую в газету книгу. Над койкой висит флаг и деревянный крест. Такое ощущение, будто человек постоянно занят самообразованием, чтобы как можно успешнее справляться со всеми проблемами, которых в ремаркском дерьме выше крыши. Его личная война никогда не заканчивается, и любой способ хорош, каким бы он ни был.

– Можно на минутку, господин сержант?

– Это ты, Маркус? – он бросает на меня беглый взгляд. – Садись и говори, в чем дело.

К разговору я подготовился заранее, но мне все равно нелегко. Я говорю сержанту, что случайно узнал о контрабандных поставках алкоголя на базу и, возможно, других веществ. Есть солдаты, которые сделали на этом неплохой бизнес, и нам следует как-то реагировать, пока не случилась трагедия. По крайней мере, так мне кажется.

Сержант медленно откладывает книгу и выглядывает в коридор. Когда он снова садится за стол, лицо его выглядит непроницаемым.

– Хорошо, что ты пришел с этим ко мне, – кивает он.

– Само собой, господин сержант.

– И чего бы ты хотел, Маркус?

– Думаю, нужно провести расследование и сделать соответствующие выводы.

Голя достает из стола бутылку водки и ставит ее рядом с книгой.

– Видишь ли, сынок... Там, где ты служил раньше, выпивка была роскошью, и за нее полагалось наказывать всех без исключения. Но здесь это единственное лекарство, чтобы не сойти с ума. Люди живут под таким стрессом, что им приходится его снимать, иначе они просто не поедут на патруль. Иногда им нужно нажраться. Не каждый столь невосприимчив, как ты.

– Я вовсе не невосприимчив.

– Не важно. – Он встает и склоняется надо мной. – Поступай, как считаешь нужным, Маркус. Лейтенант Остин будет в восторге от твоей информации. Но я бы посоветовал забыть обо всем и простить их. Солдаты пьют, потому что иначе никак. А порядок тут хуевый, в столовой нет даже пива, и кто-то должен обеспечивать их бухлом.

– А если кто-то с похмелья что-нибудь напортачит во время операции?

– Тогда мы его голыми руками отпиздим. Можешь им так и передать.

Четверг, 18 февраля, 11.35

Сон о голубом свете регулярно повторяется с тех пор, как я приехал в Харман. Сегодня я в очередной раз, под самое утро, видел большую вспышку, будто кто-то взорвал бомбу. Голубой огненный шар поглотил все вокруг, а под конец и меня. Я ощущал также чье-то присутствие, исходивший из-под земли басистый гул на грани инфразвука. Проснулся весь в поту. Усилия в комнате не было – в полночь он поехал на операцию.

Я думаю об этом свете во время утренней зарядки, за завтраком, когда шарил в Синете. Когда я читаю об исчезновениях людей на юге страны, в окрестностях холма Отортен, поступает очередной вызов. Тревоги случаются все чаще. Майор Вилмотс был прав – в воздухе чувствуется напряженность. Два отделения, первое и наше, посылают на городской рынок: кто-то поджег один из лотков. Когда мы паркуемся у дощатого ограждения, издали видны клубы дыма.

Лотти и я оставляем по одному солдату у машины. Остальные, всего восемь человек, направляются в узкий проход между ларьками. Снова моросит дождь, земля размякла, и глина липнет к ботинкам. Люди неохотно расступаются перед нами. Кричат продавцы. Воняет травами, шкурами животных и горелым жиром. Над одним из прилавков висит ряд хлопчатобумажных футболок, украшенных перечеркнутым рамманским флагом.

Лотти показывает на них Ротту, но у меня хватает и своих забот. Вокруг сгоревшего лотка с домашним хлебом и выпечкой собралась группа зевак. На месте уже патруль из трех человек из второго взвода, который вызвали ремаркские полицейские. Командир патруля, капрал Олег Элдон, здоровается с нами, заодно объясняя ситуацию.

– К нам поступил сигнал тревоги около одиннадцати, из полицейского участка. Мы намеревались отнестись к случившемуся как к рядовому преступлению, но хозяин утверждает, будто это дело рук террористов.

– Кто он? – спрашиваю я, разглядывая толпу.

– Тот старик в шапке с ушами, – он показывает на мужчину, который машет кулаком, извергая проклятия в адрес своих богов. – Мы никак не можем с ним объясниться. С полицейскими, впрочем, тоже не особо. Они собирались предоставить переводчика, но не успели.

– Пурич, поговори с ними. Попробуй что-нибудь выяснить.

– Так точно. – Старший рядовой направляется в сторону нескольких полицейских, которые только что закурили.

– Лотти, обеспечь охрану пожарища. Чтобы никто к нему не приближался.

Капрал подходит ко мне и шипит на ухо:

– Отвали, Трент. Мне насрать, что сержант назначил тебя командиром.

– Исполнять! – коротко отвечаю я.

Вместе со своими людьми он начинает обшаривать пепелище, хотя такого приказа не было, – явно желая доказать мне, что во время операции он что-то значит. Я подзываю к себе Ротта и Водяную Блоху, приказываю им не спускать глаз с собравшихся. С тех пор как мы появились, толпа значительно поредела. Меня одолевают неприятные мысли. Требуется крайняя осторожность.

Через несколько минут возвращается Пурич, и его слова лишь укрепляют мои подозрения. Полицейские утверждают, что хозяин лотка – гадеец, прочно связанный со своим храмом. Раньше с ним уже были проблемы – он печатал листовки, призывавшие к революции. То, что террористы сожгли его лоток, выглядит весьма маловероятным. Я смотрю на лица торговцев и бродящих среди прилавков людей. Вид у всех испуганный.

Несколько ларьков даже опустели – продавцы куда-то улетучились, не забрав товар, лишь повесив ламинированные таблички «Сейчас вернусь» или вроде того. Я окончательно убеждаюсь, что пора собираться.

Подхожу к Дафни, у которого тоже невеселая физиономия.

– Видишь что-нибудь, Джар?

– Не знаю, Маркус. Что-то не так. – Рядовой потирает щеку. – Что-то маловато зевак. Обычно тут было бы не пройти.

– Скоро сваливаем, – говорю я скорее себе, чем ему.

Лотти и его отделение отгаскивают обгоревшие доски. Один поддерживает фанерную крышу, а остальные трое переворачивают расплавившиеся подносы с товаром и тлеющие тряпки – серое одеяло, несколько матерчатых сумок, какую-то ветошь. Полицейские спрашивают через Пурича, могут ли они забрать старика. Сам пострадавший явно успокоился и наблюдает за происходящим.

Я отвожу всех в сторону и с помощью Даниэля расспрашиваю торговца, что случилось. Он отвечает так, что даже полицейским сложно его понять. Тут пригодилась бы Неми или другой переводчик. «Блядь, ну и бордель», – со злостью думаю я. Мне удастся лишь выяснить, что кто-то якобы вытащил торговца наружу, облил все бензином и поджег. Вроде бы речь шла о дани для местного отряда Гарсии.

Я приказываю своим не спускать глаз с торговца и отойти от лотка, а сам иду в сторону Лотти. Под ботинками хлюпает смешанная с пеплом вода.

– Роберт, это может быть ловушка. Уходим! – кричу я издалека.

– погоди, блядь, мы еще не закончили. Тут что-то есть, под этими досками.

– Это приказ! Все по машинам, мать вашу! Немедленно!

Краем глаза я вижу, как хозяин лотка вырывается из рук полицейских и исчезает в ближайшей улочке. Рядовой Дорман отбрасывает очередную доску и показывает что-то Лотти.

– Смотри, Роберт, металлический ящик!

Я поворачиваюсь и бегу.

– Ложись!

Чудовищный взрыв валит меня наземь. Что-то обрушивается на голову и спину, и я падаю лицом в лужу, на мгновение ослепнув. Похоже, жилет спас мне жизнь, но я с трудом ловлю ртом воздух. В ушах гудит, повсюду летает сажа и комья грязи. Голова кружится, у меня нет сил, чтобы подняться.

Ко мне ползет Пурич. Я вижу его грязное лицо – губы шевелятся, но слова не доходят до мозга. Из последних сил стараюсь не потерять сознание, я говорю ему, чтобы он взял командование на себя и отвел отделение к «скорпионам».

– Маркус, а что с ранеными из первого?

– Раненых нет, есть только убитые. Выведи людей и вызови подкрепление с базы.

Дафни и Пурич берут меня под руки и тащат к выходу. Ротт и патруль Элдона прокладывают дорогу. Обоих полицейских нигде не видно, и я не знаю, что с ними стало. Взрыв разнес все в радиусе десяти метров. Мы проходим мимо трупов, те валяются в грязи словно куклы. Проход завален разным барахлом, люди умоляют нас о помощи. Голоса доносятся до меня будто из-за стены. Какой-то парень хватает Ротта за руку и получает прикладом МСК в лицо. Наконец нам удается добраться до машин.

Навстречу нам выходят Гаус и Баллард, единственный уцелевший из отделения Лотти. Последнее, что я помню, – открытая дверца боевой машины и чьи-то руки, втаскивающие меня внутрь. «Не дождетесь, сволочи», – сонно думаю я. А потом просто уплываю.

Четверг, 18 февраля, 17.05

Первый, кого я вижу помимо медицинского персонала, – сержант Голя. Осторожно войдя в палату, он останавливается возле койки и кладет на тумбочку мой телефон, подключает зарядку, а потом приносит новую кружку и бутылку воды.

– Рад, что тебе уже лучше, – без каких-либо вступлений говорит он.

– Спасибо, господин сержант, – хриплю я пересохшим горлом.

Приподнявшись на койке, делаю несколько глотков воды. Голова все еще кружится, но тому могут быть виной впрыснутые мне обезболивающие. Я провел без сознания около часа. Оказалось, удар куском металлического ящика оставил на спине большой синяк, а сквозь шлем набилась немаленькая шишка. Доктор Заубер и доктор Дереш заверяют, что беспокоиться не о чем. В худшем случае придется слегка попить кетоналом.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Вряд ли, завтра я уже должен быть на ногах.

– Это решит доктор Заубер. – Сержант садится на стул. – Ты молодец, Маркус, что почуял засаду. И только благодаря тебе наших не погибло больше. Я знаю от парней, что капрал Лотти не исполнил приказ. Но об этом мы в рапорте писать не будем, чтобы семью не лишили компенсации.

– Так точно, господин сержант. – Я тяжело опускаюсь на подушку. – Что там произошло?

– Кто-то подорвал бомбу по радио. В теракте признались боевики из храма Гадеса. Идут поиски хозяина лотка, а бойцы ВБР окружили резиденцию гадейцев и арестовали их старейшин. Дело дошло до перестрелки, но тяжелых ранений никто не получил – только царапины.

– В отличие от первого отделения.

– От парней даже собирать было нечего. Мать твою! – Голя сжимает кулаки. – Кроме них, погибли тринадцать гражданских и один полицейский.

– Ну и бойня. – Я никак не могу этого понять. – Почему они убивают своих?

– Жертвы принадлежали к другим храмам. Гадейцы съебались перед самым взрывом, кто-то, видимо, им сообщил. Они ненавидят остальные культы. В Синете опубликовали заявление, что это наказание за сотрудничество с нами. Убили одним выстрелом двух зайцев, сволочи.

– Что будем делать, господин сержант?

– Схватим теперь террористов за жопу и будем их давить. А они будут нас атаковать. Становится все веселее, сынок, но не думай об этом. Тебе нужно отдохнуть. Я запретил парням из отделения сюда приходить.

– С ними ничего не случилось?

– Они наверняка в шоке. Ну и несколько заноз в заднице, ничего страшного. Тебе от них привет. – Голя собирается уходить. – Если все будет в порядке, завтра напишем рапорт. Я говорил с лейтенантом Дерешем, они сейчас делают обход. Эту ночь ты проведешь здесь.

Меня расспрашивают обо всем – о головной боли, о проблемах с дыханием, о состоянии спины. Спрашивают еще о темных пятнах перед глазами, и я быстро отвечаю, что у меня их нет и никогда не было. Голубые хлопья не в счет. И нет, меня не тошнит, и мне хотелось бы поскорее покинуть медсанчасть и вернуться на службу. Я хочу отплатить сволочам, которые стоят за этим терактом.

Лейтенант Дереш выходит, а капитан Заубер внимательно на меня смотрит, держа в руке большой планшет. Включив его, она, хмурясь, водит пальцем по экрану. При каждом движении головы ее волосы, завязанные в светлый конский хвост, скачут из стороны в сторону. Когда-то она наверняка была красивой женщиной, но теперь ее лицо прорезают глубокие морщины.

Она просматривает фотографии – я не вижу издали, что на них. Что, если во время взрыва я получил тяжелую травму и сейчас об этом узнаю? Но задать вопрос боюсь – лишь упрямо молчу и жду.

– Прежде чем я покажу вам снимок, капрал, хотела бы спросить, есть ли вам мне что рассказать, – наконец говорит доктор Заубер. – Например, о перенесенных в прошлом операциях?

– Не понимаю, госпожа капитан.

– Не понимаешь? – Линда Заубер с силой закусывает губу. – Пока ты был без сознания, мы подвергли тебя самой лучшей диагностике, какую только можно здесь провести. У нас на базе есть переносной томограф. Так что прошу объяснить, что собой представляет этот продолговатый объект, который столь красиво светится в твоей голове.

Она подсовывает мне под нос снимок с томографа. На нем виднеется длинная белая полоса спереди черепа, врастающая в мозг. Я чувствую, как обливаюсь холодным потом.

– Это электрод, – тихо отвечаю я.

– Значит, я правильно думала, – удовлетворенно улыбается капитан Заубер. – В прошлом вы подверглись процедуре ГСМ, капрал. И не соизволили об этом упомянуть ни в анкете при приеме на службу в ВТО, ни в документах, которые подавали в МСАРР. Я просмотрела всю вашу медицинскую документацию. Ни слова об этом!

– Меня не взяли бы в армию, – прямо отвечаю я, понимая, что терять мне больше нечего. – Мое заявление отвергли бы даже не моргнув. Вы же сами знаете.

– И потому вы скрыли правду?

– Да, госпожа капитан. Я поступил так сознательно.

Доктор Заубер подходит к окну и вглядывается в плац за стеклом, будто нашла там нечто неизмеримо интересное. Именно так выглядит мой конец: не осколок «айдика», не пуля снайпера или закопанный в земле «клев». Мою службу прервет размытый снимок с гребаного томографа.

– Итак, капрал, в коре ваших извилин, именуемой также полем Бродмана, помещен электрод, – помолчав, подытоживает она. – А где в таком случае находится стимулятор, если можно задать столь нескромный вопрос?

В голосе ее сквозит сарказм.

– Здесь, – я задираю майку и показываю на небольшое утолщение в окрестностях левой подмышки. – Я могу регулировать мощность импульсов. Батареи хватает лет на десять. Так мне сказали.

– Очень интересный случай. – Она успокаивается и садится рядом со мной на расшатанный стул, где час назад сидел сержант Голя. – Ты страдал тяжелой депрессией?

– Да, госпожа капитан, с юности. Я пытался покончить с собой, и в последний момент отказался от процедуры девитализации. Тогда и согласился на стимулятор – для меня это был последний шанс.

– А почему не на стереотактическую процедуру, которая не оставляет следов?

– У меня не было денег. ГСМ проводила исследовательская группа из Кодена в рамках эксперимента. Они вернули мне жизнь.

Заубер закрывает глаза. Похоже, врач и ученый борются в ней с военным солдафоном. Может, у меня еще есть шанс, и я отчаянно за него цепляюсь. Ненавижу такие ситуации, когда все надежды летят к чертям. Пусть она наконец хоть что-то скажет.

– Как ты реагируешь на глушители гомеостатических мин?

– Немного болит голова. Все остальное в норме.

– Ясно. – Измерение моего пульса сейчас наверняка показало бы миллиард. – Я сегодня разговаривала с лейтенантом Остином. Он крайне положительно высказывался о твоей службе. Нам нужны разумные люди, даже прошедшие через подобное. И потому я решила дать вам шанс, капрал.

– Спасибо, – больше я ничего не в состоянии выдать.

– Но мы будем встречаться каждую пятницу во время контрольного визита, до особого распоряжения. Насчет графика договоришься с лейтенантом Дерешем. Официальная причина – наблюдение после травмы головы.

– Так точно.

– Не благодарите, капрал. У меня есть на то свои причины.

Вторник, 23 февраля, 11.45

Капитан Бек боится покушения. Он поставил на ноги весь ВБР девятой роты, чтобы обеспечить себе эскорт по пути в мэрию. Я понятия не имею, какие вопросы он решает с мэром Хармана, но это неважно. Мы заняли позицию в коридоре, на втором этаже, у самого кабинета Эфрама Золы, и стоим в полной готовности – оружие снято с предохранителя, указательные пальцы лежат вдоль затворной камеры, над спусковым крючком.

Мое отделение охраняет командира роты и лейтенанта Мюллера. Сержант Голя стоит с отделением Нормана внизу, у подножия лестницы, не позволяя никому подняться выше. У дверей магистрата, у машин, остался Усиль со своими людьми и отделение капрала Талько – новое пушечное мясо, переброшенное из Йона. Лишь у Балларда в той команде есть боевой опыт, но поскольку он лишился всех товарищей, сейчас наверняка основательно растерян.

Чувствуется напряженность среди работников ведомства и посетителей, пришедших решить свои дела. Ремарцы бросают на нас неуверенные взгляды. Наклонившись через деревянный барьер, я наблюдаю за людьми, которые бродят по главному залу. Они задирают головы вверх, а я сейчас с удовольствием плюнул бы им в лицо. Я уже знаю, что ненавижу эту страну, ее жителей и гражданскую войну, которую они себе устроили. Что касается меня, то я бы не слишком расстроился, если бы они все перерезали друг друга.

Мы торчим тут уже больше часа, почти в полной тишине. Я чувствую, что после случившегося на рынке парни ведут себя иначе, словно боясь в чем-то мне помешать. Вечером Пурич, главный трезвенник, наколдовал откуда-то бутылку, и только Ротт не выпил за мое возвращение – тогда он как раз пошел в столовую и опоздал на мероприятие в казарме.

Дверь туалета в конце коридора приоткрывается. Наверняка это лишь сквозняк, но мы должны проверить, не прячется ли там какая-нибудь гнусная сволочь. Я киваю Ротту, и мы направляемся в сторону небольшого помещения, обозначенного треугольником. Все сотрудники должны были покинуть этот этаж, но осторожность никогда не помешает. Мы заглядываем внутрь – пусто.

Ротт с ненавистью таращится на меня, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну что там у тебя, рядовой? Хочешь сказать мне что-нибудь приятное? – спрашиваю я.

– Из-за тебя погибли Лотти и его парни, – шепотом отвечает он. – Из-за того, что ты не умеешь командовать, Трент. Если бы операцией командовал Роберт, все было бы иначе.

– Да? – зловеще усмехаюсь я. – Если бы командовал твой Роберт, придурок, ты сейчас бы лежал по кускам в металлическом гробу.

– Я не стану слушать какого-то болвана из ВТО. Срать я на это хотел. – Он щурит серые глаза. – И хер ты мне что сделаешь.

– Тут ты ошибаешься, рядовой Ротт. Начиная со следующей операции пойдешь в первых рядах, во славу родины.

– Ах ты сукин сын!

– Докажешь всем, какой ты смелый, – говорю я и возвращаюсь к остальным, поскольку за дверью уже слышатся голоса. – Ну-ка, господа, выпрямились покрасивее. Сейчас они будут выходить.

Минуту спустя капитан Бек и лейтенант Мюллер покидают кабинет. Похоже, с властями города им договориться не удалось – у обоих хмурые лица, причем у Мюллера даже больше обычного, хотя такого просто не может быть. Он окидывает нас взглядом и спускается по лестнице. Голя разгоняет ремарцев, мы быстро набиваемся в машины и покидаем площадь Бальтазара.

Джим Ротт сидит за рулем стиснув челюсти. Еще немного, и он сломает себе зубы.

Четверг, 25 февраля, 23.10

Сержант Голя вызывает командиров отделений в небольшой зал с настольным футболом и дартсом, где он иногда проводит совещания. Мы с Ларсом Норманом размышляем у двери, что мы снова сделали не так и за что получим нагоняй, но, оказывается, дело, похоже, не в этом, поскольку внутри уже сидят лейтенант Остин, сержант Северин и его капралы. Мы отдаем честь Остину, который небрежно машет рукой и велит нам занять места. Перед ним на столике лежат какие-то бумаги и фотографии – кажется, предстоит нечто серьезное.

– Что еще за цирк в такое время? – удивляется Норман. – Ночная тактика?

– Блядь, а я отлить не успел. Как раз шел в сортир, – шепчет Усиль.

– Тихо! – командует сержант Голя. – Господин лейтенант хочет сказать вам несколько слов.

Все знают, что Марсель Остин терпеть не может выступать с речами. Он принадлежит к тем людям, которые охотнее всего заперлись бы в комнате и вели бы оттуда виртуальную войну. Он долго медлит, внимательно просматривая снимки, затем отдает их обоим сержантам.

– Господа, дело короткое, но крайне важное. Сейчас вы получите фотографии, которые час тому назад сделала военная жандармерия. Капитан Бек передал их, чтобы вы могли как следует их рассмотреть и сделать выводы. А потом предупредить своих людей, чтобы они не совершали таких ошибок.

У нас уже не остается никаких сомнений, что случилось нечто весьма херовое.

На фото, которые передают нам сержанты, видны лежащие на земле тела и крупные планы опухших лиц. Двое солдат, которых я не могу опознать, определенно мертвы. Они

погибли в муках – выпученные глаза и потемневшие языки выглядят будто грим из скверного ужасика. В зале поднимается громкий ропот.

– Что это, господин лейтенант? – не выдерживает капрал Лист.

– Это парни из первого батальона. – Марсель Остин на мгновение задумывается. – Насколько я помню, из четвертой роты. Вы могли не раз встречаться на плацу, в столовой или где-то еще. Их казармы находятся на севере базы, в старом производственном комплексе. То, что мы успели выяснить, указывает на отсутствие дисциплины в их подразделении. Тела капрала и старшего рядового нашел вчера вечером патруль возле дороги в Харман. Они наткнулись на гомеостатические мины, впрыскивающие в тела жертв нервный яд. В этом случае агония крайне болезненна и длится почти час.

– Твою мать, – шепчет за моей спиной капрал Талько.

– Смерть этих солдат – следствие халатности и вопиющего нарушения устава, – продолжает лейтенант. – Они самовольно покинули часть, отправившись в окрестный мотель с комнатами с почасовой оплатой, где заказали себе проститутку. Служба охраны и командиры погибших будут привлечены к ответственности. Но для вас важнее всего две вещи: во-первых, вы должны безукоснительно соблюдать действующие правила, а во-вторых, ни в коем случае не перемещаться пешком и без глушителей по малонаселенной местности.

– Как вы знаете, это современное и дорогое снаряжение, которое выдается только на время операции, – добавляет сержант Голя, воспользовавшись наступившей тишиной. – Солдаты в самоволке не могли им воспользоваться, и потому случилась трагедия. Вбейте в башку своим людям, что идет война и подобного рода дебилские идеи приводят к смерти.

– Именно так, – кивает лейтенант Остин. – Я с радостью оставил бы вам фотографии, чтобы вы ежедневно на них смотрели, но устав этого не позволяет. Надеюсь, вы запомните эту картину. Командиры взводов сейчас соберут фото, а вы перед утренним инструктажем проведете беседу в своих отделениях. Это приказ.

– Так точно, господин лейтенант, – слышатся сдавленные голоса.

Лейтенант Остин встает, и мы тоже вскакиваем.

– Если вопросов нет, можете разойтись.

Суббота, 27 февраля, 18.50

Я звоню отцу раз в две недели, чтобы поболтать ни о чем. Он каждый раз спрашивает, все ли со мной в порядке, не случилось ли со мной чего-нибудь. А я каждый раз повторяю, что все нормально, просто чтобы он не беспокоился. Потом он рассказывает о маминых проблемах с позвоночником, о том, как у нее немеют руки и постоянно болит голова. Почти все время она проводит в очередях к врачам. О себе он не говорит ничего, как если бы существовал лишь в виде цифрового голоса в трубке, полностью исчезая после каждого разговора со мной.

Но на этот раз все иначе. Отец отвечает на звонок, и я слышу его приглушенный голос:

– Маркус, я знаю, что ты не говоришь мне всей правды. Я ежедневно смотрю новости и читаю об этой войне. Я считаю теракты и жертвы. На этой неделе в одном лишь Хармане взорвалось шесть бомб.

– Восемь, папа. Не обо всем сообщают в прессе.

– Мама у госпожи Лева, так что можем немного нормально поговорить. Она всегда подслушивает, когда ты звонишь.

– Тогда зачем ты сейчас шепчешь? Тебя плохо слышно.

– Наверное, по привычке, – грустно усмехается он. – Я боюсь, Маркус, что ты не вернешься.

– Не стану тебя обманывать, – говорю я, хотя в том нет никакого смысла. – С начала миссии у нас погибло двадцать два человека. Ремарцы атакуют все чаще. В любой день в тебя

может угодить кусок железа. Но, раз уж ты тут оказался, всегда можно найти способ избежать смерти. Самое главное – не носить одолженные у кого-то шмотки или шлем.

– Ты о чем?

– Такое солдатское суеверие, неважно. – Я смотрю на часы. – Знаешь, мне пора заканчивать, через пять минут начинается инструктаж.

Отец громко дышит в трубку. У меня такое впечатление, будто он хочет сказать мне нечто важное.

– Мне тоже пора, – наконец отвечает он. – Мама возвращается, я слышу ее на лестнице.

– Папа, не бойся за меня. С мамой жить опаснее.

Он внезапно отключается, не попрощавшись.

За все эти годы я успел привыкнуть к его странностям. Он мог встать из-за стола посреди обеда и взять книгу, что-то неожиданно вспомнив. Впрочем, я не менее странный, чем он, а может, даже хуже, поскольку немало унаследовал от матери. Неизвестно отчего я вдруг вспоминаю, как в первом классе он учил меня плавать, бродя по илистому озеру и терпеливо вынося мои вопли.

Ненавижу звонки домой – они без нужды лишают меня покоя. Будь я командиром базы Эрде, я бы запретил звонить родным, и вообще запретил бы воспоминания. Должно существовать только здесь и сейчас. Все остальное – будто привязанный к ноге камень.

Глава пятая

Понедельник, 29 февраля, 00.15

Харман, провинция Саладх, южный Ремарк

Я не могу заснуть, дорогой мой сынок. Мне постоянно снится, будто я падаю в заполненную светом дыру. На самом дне ее нечто опасное, огромное, как чертов метеорит, и столь же чуждое. Я вскакиваю на постели, и мне кажется, что я кричу, но из горла вырывается лишь стон. Петер храпит в двух метрах от меня, развалившись навзничь на своей койке. Я ворочаюсь с боку на бок, сражаясь с его храпом, а когда мне удастся задремать, я снова проваливаюсь в бездну. После теракта на рынке, в котором погибли мои товарищи по взводу, мне стало только хуже. Но я не говорю об этом доктору Заубер, иначе она может меня отсюда отправить.

Наверняка ты удивляешься, почему я здесь. Мне трудно тебе это объяснить, поскольку вряд ли какое-либо объяснение покажется тебе убедительным. Да, я был сыт своей жизнью по горло и хотел изменить ее, испытать себя в трудной ситуации. Но для этого хватило бы отправиться в неизвестность, поехать в кругосветное путешествие. В Синете полно объявлений, в которых ищут желающих для подобных экспедиций. Вовсе не обязательно лезть на войну.

Так что дело, скорее всего, наверняка в Рамме. В абсурдной уверенности, что если все мы недооценим опасность, то лишимся своего дома. Ибо весь мир – не наш дом, так же как домом не является улица, на которой ты живешь. Тебя, сынок, могут с радостью видеть в кругу приятелей, у тебя может быть девушка из соседнего района, но дом у тебя только один. Знаю, для поколений, воспитанных в роскоши, это звучит абстрактно и даже с определенным пафосом. Однако у каждого есть своя правда и свои обязанности.

Порой я также думаю, что приехал сюда по другой причине. В Харман меня привело мое безумие. Я приехал, потому что меня что-то позвало. И это что-то значительно превосходит мой долг, значительно превосходит даже любовь к тебе. Пока не знаю, как это назвать, но оно вертится на языке. Это нечто весьма похожее на смерть, но при этом намного более сложное. Я без усталости ищу, но знаю, что, когда придет время, оно наверняка найдет меня само.

Вторник, 1 марта, 10.10

Мы паркуемся перед полицейским участком в центре. Полицейские удивлены числом солдат и машин, забаррикадировавших площадь, и они задают лейтенанту Остину множество вопросов через нашу переводчицу. Когда Неми разговаривает с местными, это звучит забавно, будто она с ними ссорится. Ремаркский язык криклив, из-за чего кажется, будто со спокойной девушкой происходит некая метаморфоза, и она превращается в энергичную, слегка высокомерную миниатюру солдата.

Из-за схожести на американскую актрису Донни Хоторн мы с Ларсом окрестили ее прозвищем Звезда. У нее большие темные глаза, худощавое лицо и ямочка на подбородке. Порой она едва заметно нервничает. Уильям оставил попытки закадрить Неми после того, как та что-то буркнула ему в ответ по-ремаркски, а Пурич услужливо перевел: «С деревенщиной не танцую». Девушки бывают безжалостны в любой стране.

У меня с ней проблемы, поскольку разговор особо не клеится, а сталкиваемся мы достаточно часто – как и сейчас, маршируя по узким улочкам в сторону храма Афродиты. Неми идет в шаге передо мной. Мы не могли заехать на «скорпионах» на холм – храм находится высоко

и его со всех сторон окружают старые каменные строения. Есть места, где между зданиями с трудом могут разминуться двое солдат. Здесь страшно темно, а стены пахнут влагой.

Я дотрагиваюсь пальцами до мха, которым поросла стена.

– У этих стен такой вид, будто они полностью сгнили.

– Это самая древняя часть города. Терпеть ее не могу, – отвечает девушка.

Мы идем посреди колонны. Первое отделение марширует впереди, четвертое замыкает строй, а мои люди могут немного расслабиться. Поравнявшись с переводчицей, я пытаюсь продолжить разговор.

– Что такое? Тебе не нравятся эти здания?

– Они просто ужасны, Маркус. – Она улыбается. – Но я просто терпеть не могу культ Афродиты. Это какое-то сочетание религиозного фанатизма и блядства. Поверь мне, я кое-что об этом знаю.

– Ты в молодости была служительницей культа? – пытаюсь пошутить я.

– Да, послушницей в Портсаиле. У каждого бывают ошибки.

Неми устремляется вперед, нарушая строй, а у меня отваливается челюсть. Я замедляю шаг, и Пурич едва не налетает мне на спину. И снова я думаю, что генерал Сальте был прав. Такие разговоры не случаются в отсутствие женщин. Крайне легко отвлечься и сделать какую-нибудь глупость, а ведь все дело лишь в химии и брачных ритуалах. Не стоит погибать по такой причине – если можно вообще без причин.

На территории храма находится маленькое здание, которое называют беседкой Карла. Кем бы ни был этот Карл, вряд ли он пользовался успехом у служительниц, поскольку его домик стоит у самой стены. Для Пурича и Балларда это тут же становится поводом для скабрёзных шуток, пока Неми не объясняет, что подобной исключительной почести удостоился князь Карл Второй, основатель всего крыла. Любому мужчине, кроме него, запрещалось пребывать на холме. А на время ремонта служительницы Афродиты покидали свою резиденцию и перебирались в горы.

В обсаженную розами беседку Карла могут войти только лейтенант Майя Будни и Неми Сильберг. Военная разведка специально прислала женщину, чтобы та могла свободно разговаривать со служительницами. Лейтенант Остин и сопровождающий его лейтенант Мерстрем остаются за воротами. Сержант Голя размещает нас в стратегических местах и приказывает сохранять бдительность.

Отсюда видна панорама Хармана – старинная ратуша и солнечная башня на западе города, рядом с базой Кентавр. Над нами висит «феникс», мы присели за камнями. Нападения вряд ли стоит ожидать, но осторожность никогда не помешает.

Храм Афродиты, который у нас за спиной, величиной с сельскую церковь (если не считать здания, где живут служительницы). Небольшой портик, четыре колонны перед входом. Честно говоря, я видел здания и поинтереснее.

В хаотической панораме города, среди крыш разной формы и домов разной высоты, даже храм Зевса не выделяется ничем особенным. Мы обсуждаем это с Пуричем и Водяной Блохой, глядя на кислую физиономию Ротта. В какой-то момент вмешивается Баллард, устраивая нам бесплатную лекцию.

– Ремарцы не молятся внутри. Они всегда собираются на площадях или в оливковых рощах возле храмов. Здания – обитель богов, именно потому они напоминают скорее наши часовни, чем церкви.

– Ну, ты меня впечатлил, Крис, – искренне говорю я.

– К вашим услугам, господин капрал! – дурачится Баллард. – Я немного об этом читал, прежде чем сюда приехал. Нужно знать такие вещи.

– Ты прав. Я стараюсь поступать точно так же.

Пытаюсь вспомнить, что мне известно о культе Афродиты.

Существует характерное различие между строгими правилами храма и поведением служительниц за его стенами. Притом что ни один мужчина не может приблизиться к дому богини, если в нем находится священная статуя, служительницы, особенно молодые послушницы, известны своей распушенностью во время визитов в город. Они выбирают себе партнеров, иногда даже нескольких за ночь, и совокупляются с ними, воздавая хвалу своей госпоже. Для служения в храме принимаются только молодые и самые красивые девушки.

Думая о Неми, я не вижу перед собой Дочь Коринфа. Эта миниатюрная девушка не ассоциируется у меня ни с религиозной проституцией, ни вообще с какой-либо чушью, связанной с культами. Но что я знаю о Ремарке, чтобы высказывать подобные суждения? Все мои представления о служительницах Афродиты опираются на стереотипы из фильмов о путешествиях и порнопорталов.

Лейтенант Будни, которая разговаривает с верховной служительницей, наверняка знает намного больше. Ей придется употребить немало аргументов, чтобы убедить храм предоставить холм нашим войскам. Командованию пришла в голову идея разместить здесь форпост. Идеальный со стратегической точки зрения пункт позволяет контролировать обширный квартал города. Мэр отказал по религиозным причинам и отправил нас в храм.

– Ни хрена из этого не выйдет, господа, – подытоживает сержант Голя, бросая взгляд в сторону ворот. – Ну хоть дождя нет.

Визит на холм Афродиты мы воспринимаем как послеобеденную прогулку, задание для галочки. Через три дня мы едем на форпост Адмирум, и это может оказаться серьезным испытанием. Нам предстоит конвоировать боеприпасы и снаряжение для парней из первого батальона, дислоцировавшихся у подножия Волчьих гор. Их почти ежедневно атакуют партизаны, а весь их персонал состоит из двух довольно плохо обученных взводов.

Они сидят там и ждут смерти.

Четверг, 3 марта, 20.15

Я люблю такие вечера. Мы сидим с Водяной Блохой, Пуричем и Гаусом в столовой и играем в покер с мелкими ставками. Завтра у нас выезд, поэтому сегодня мы свободны от службы; на вызовы отвечает ВБР из второго батальона, дислоцированного на базе Кентавр. У меня давно не было возможности спокойно поговорить со своими парнями. Только Ротт, как обычно, куда-то запропастился. Ну и хрен с ним – скатертью дорога. Через два столика от нас сидит Усиль со своим отделением.

Офицеры появляются ненадолго и не мешают нам развлекаться, за исключением капитана Бека. Командир роты покупает сигару и долго сидит, внимательно просматривая газету, заказывает очередной чай, а потом зовет нас с Петером, сажает за свой столик и вполголоса говорит:

– Господа, осторожнее на автостраде. Снабжение для Адмирума критически важно, но мне не нужны бессмысленные потери в моей роте.

– Так точно, господин капитан, – отвечаю я за нас обоих.

– Я просвещаю всех командиров, чтобы смотрели в оба – атаки террористов усиливаются с каждым днем. Вы должны довести снаряжение и вернуться целыми и невредимыми. Понятно?

– Так точно! – Я на мгновение задумываюсь. – Можно вопрос: какую-нибудь поддержку мы получим?

– Вы получите один разведывательный дрон. Я с радостью дал бы вам больше, но радиус действия слабый, партизаны заглушают сигнал. В феврале мы потеряли множество аппаратуры. Избегайте непосредственных столкновений и возвращайтесь на базу.

Когда капитан уходит, мы с Петером удивленно смотрим друг на друга. Он никогда себя так прежде не вел, не разговаривал с капралами, за исключением официальных совещаний. Похоже, дело и впрямь обстоит не лучшим образом, если он решил дать нам личные инструкции. На всякий случай мы договариваемся, что парням сообщать эти сведения не будем.

Я возвращаюсь к своим и говорю, что Беку захотелось поболтать – мол, он расспрашивал, как нам служится, и все такое прочее. С офицерами порой такое бывает. Но в душе ощущаю тревогу, и даже королевское каре, которое я выкладываю в следующей раздаче, не радует так, как обычно. Настроение поднимает только Гаус, который внезапно ни с того ни с сего заявляет:

– Кажется, я наконец вломлю пизды этому Ротту!

Похоже, в голове рядового Гауса происходят некие мыслительные процессы, к которым у нас нет доступа.

– Может, объяснишь подробнее, Вим? – спрашивает Водяная Блоха.

– Баллард мне говорил, что этот гад то и дело ходит к Зану Талько, тому новому капралу, и балаболит ему, какое у нас ебанутое отделение. И что наш капрал, прошу прощения, хер собачий.

– Вот сукин сын, – коротко комментирует Пурич, не отрывая взгляда от карт.

– И что он еще там рассказывает? – спрашиваю я.

– Да в общем-то все. – Вим Гаус чешет в затылке. – А я его еще считал своим товарищем, пил водку с этим пидорасом. Отпиздить его надо, и дело с концом.

– Послушайте. – Я откладываю карты. – Мне не нужны никакие драки, особенно сегодня. Вы должны как следует выспаться и завтра прикрывать друг друга. А с Роттом я поговорю, обещаю.

– А нельзя договориться с сержантом, чтобы Ротт поменялся с Баллардом? – спрашивает Водяная Блоха. – Новички из отделения Криса – те еще кретины.

– Они новенькие, потому Ротт к ним и ходит, чтобы обработать на свой лад. Помните, как было у нас поначалу?

Парни опускают головы. Похоже, им до сих пор стыдно, что они слушали такого мудака.

Я с удовольствием взял бы к себе Криса и отдал этого пройдоху в первое отделение, но здесь не концерт по заявкам. Придется смириться. Еще немного, и рядовой Ротт сам попросит, чтобы его заменили.

Мы играем до двадцати одного часа, до закрытия столовой, а потом перебираемся в казармы и теоретически должны идти спать. Теоретически, поскольку у всех дурные предчувствия. Что-то висит в воздухе, а меня вдобавок мучают угрызения совести, что я не рассказал парням всей правды о грозящей нам опасности.

Пятница, 4 марта, 07.55

Перед выездом я должен явиться к доктору Заубер. Госпожа капитан назначила мне визит на утро, когда у нее заканчивается ночная служба, и не согласилась на другой срок. Меня это устраивает не больше чем дырка в голове, но деваться некуда. Возражать ей я не могу.

– Я же говорила, что ты успеешь, Маркус, – приветствует она меня в своем кабинете. – Как самочувствие?

– Хорошо, госпожа капитан. Не жалуюсь.

– Честно говоря, вид у тебя не слишком цветущий. Что-то случилось, капрал?

– Сегодня у нас выезд на базу Адмирум, мы едем на территорию усиленных боевых действий. Весь взвод на нервах, но, думаю, это нормально.

– Да, это нормально. – Линда Заубер едва заметно улыбается и щелкает чем-то под столом.

У меня темнеет в глазах, а потом я вижу голубой свет и призраков – плотные человеческие тени, перемещающиеся по комнате. Они что-то шепчут мне, скользя по стенам.

Я хватаюсь за голову, чтобы не дать ей отвалиться. Такое ощущение, будто мозг сейчас вытечет через уши или вместе с потом проступит через поры кожи в виде белой жирной слизи на висках.

– Мать твою... – Я сползаю с пластикового стула, уверенный, что еще немного, и я сойду с ума и откушу себе язык, но все проходит столь же внезапно, как и появилось.

Я лежу на полу, тяжело дыша. Форма насквозь промокла от пота. Я вскарабкиваюсь на стул, чувствуя, как трясутся руки. Похоже, капитан Заубер не удивлена, но скорее довольна тем, как прошел эксперимент.

– Боже мой, госпожа капитан... Что это было?

– Мне пришлось тебе показать, иначе бы ты не поверил, – мягко отвечает она. – Это был глушитель гомеостатических мин, включенный на полную мощность. Будь осторожен, когда будешь им пользоваться. Чем больше ты его подкрутишь, тем больше будешь страдать.

– Я никогда не доходил даже до середины шкалы. Слишком болела голова.

– Значит, ты осознавал опасность? Это хорошо, – уважительно кивает она. – Помни, что устройства остальных солдат на тебя тоже воздействуют. Это все, что я хотела тебе сегодня сообщить. Можешь быть свободен.

Выходя из кабинета, я натываюсь на стул и вешалку для одежды. По дороге сворачиваю в туалет, и лишь обильная рвота возвращает меня к жизни. Госпожа капитан выбрала самый подходящий момент для моего медицинского просвещения, прямо перед серьезной операцией.

И тем не менее я понятия не имел, что электромагнитная волна способна с такой силой зацепить электрод в моем мозгу. Пусть и извращенным образом, но Линда Заубер заботится обо мне, пытаясь помочь, хотя ей следовало бы выгнать меня со службы. И я до сих пор не понимаю, почему. Так что я стараюсь, чтобы другие не заметили, что несколько минут назад цунами выбросило на берег мое тело. А потом мы все узнаём, что наш выезд отменяется. Командование перенесло его на «ближайшее будущее».

Понедельник, 7 марта, 12.05

Мы снова стоим в карауле. Утром были учения, а потом мы заступили на пост у восточных ворот, где контролируем машины и проверяем документы. Ничего особенного не происходит. Самое крупное событие – появление Стервы, черно-белой кошки, которая неделю назад прибилась к базе.

Своим именем она обязана вредному характеру. Сперва она трется о ноги и позволяет себя гладить – как сейчас Пуричу, – но тут же пытается ударить его лапой, начинает фыркать и шипеть. У нее немного не в порядке с головой, что не мешает нам радоваться при ее виде. Хотя что-то приятное в этом сволочном мире. Никто ее не гонит, и даже лейтенант Мюллер, увидев ее, криво улыбается. Работники кухни и солдаты ежедневно подкармливают ее остатками обеда.

Гаус зовет Стерву, и кошка подбегает к нему. Мне следовало бы дать парням нагоняй за то, что они возятся с кошкой на службе, но один лишь вид рослого солдата, который гладит маленькое животное и ласково с ним разговаривает, бесценен. Сегодня мы заметили, что кошка позволяет Гаусу взять себя на руки. Стоит ей его завидеть, как она подбегает к нему, задрвав хвост, и по-настоящему приветствует. «This is kind of magic», как говорит Водяная Блоха.

– Только не влюбись, – замечает он своему приятелю.

– Джаред, отвали, – отвечает Гаус.

– У нее для тебя дырка маловата, – не унимается Дафни.

– Да ты ебанулся. – Вим на него даже не смотрит. – Чудесная кошка. Заберу ее с собой, когда буду возвращаться домой.

У меня в мозгу что-то негромко щелкает. В такие моменты мне хочется кричать, что мы никогда отсюда не уедем. Я чувствую это с того самого мгновения, когда ступил на ремаркскую землю. Это не туманное предчувствие, но холодная уверенность. Но, естественно, поступить так я не могу. И не смог бы, даже если бы был обычным рядовым.

Остается ждать приказаний и рассчитывать, что у нас в очередной раз все получится. Сержант Голя утверждает, что разведка рекомендовала изменить время выезда на базу Адмирум в связи с угрозой нападения. Вчера наши вертолеты обстреляли ракетами позиции партизан в окрестностях Волчьих гор. Потом появились «коровы» BG-77 и сбросили бомбы. После подобной операции нам наверняка разрешат ехать: хуже всего всегда ожидание.

Среда, 9 марта, 04.25

Мы выезжаем перед восходом солнца. Два грузовика со снаряжением и отделением пополнения прикрывает только наш взвод. ВБР из третьего батальона в конечном счете направили выполнять рутинные задачи – в городе усилились атаки после бомбардировки отрядов Гарсии. Патрули на улицах непрерывно просят подкрепления.

Машины выкатываются с базы и направляются в противоположную обычной сторону – мы удаляемся от Хармана. Минут через пятнадцать мы въезжаем на шоссе, а потом на автостраду, ведущую в Физзу, город на южной границе Ремарка, оккупированный Готтаном. От Физзы нас отделяет Харманское плоскогорье, цепь Волчьих гор и пустыня Саладх. Автострада огибает горы – именно в этом месте, на высоте дорожного узла Мокха, был основан форпост Адмирум.

Голя, который едет в нашей «двухсотпятидесятке», рассказывает о временах начала миротворческой миссии. Многое он пережил лично, кое-что слышал от своих товарищей. Больше всего мне запоминаются его слова, что поначалу было кроваво, но как-то более «нормально». Местные радовались, когда мы занимали новую территорию и вытесняли захватчиков на юг. Но ситуация осложнилась – не за один день, на это потребовались месяцы. Из освободителей мы превратились в оккупантов, которые торчат в Ремарке и не могут ни навести тут порядок, ни уйти.

– До чего же херово я себя чувствую, – заканчивает Голя. – Даже не знаю, зачем мы вообще тут.

– Не бойтесь так говорить, сержант? – спрашиваю я. – Кто-нибудь может донести лейтенанту Остину или кому-то из командования базы.

– Я тебе уже говорил, Маркус, куда я их готов послать. Впрочем, они думают точно так же, только обсуждают это в своем кругу.

Ротт, как обычно, уверенно ведет машину, не говоря почти ни слова. Я сижу рядом и таращусь в экран планшета, на котором видна картинка, передаваемая «соколом»: дрон летит над нами, обследуя окрестности в радиусе нескольких километров. Небо над полями и скалистыми холмами меняет цвет, вспыхивая розовым от солнечных лучей. День обещает быть погожим.

Два «скорпиона», первый и четвертый, едут перед грузовиками, еще два за ними – наш замыкает колонну. Мы сохраняем дистанцию в полтора десятка метров на случай взрыва «айдика». Но ничего особенного не происходит, даже гражданских машин не так уж много.

Меньше чем через час, проехав пятьдесят километров, мы добираемся до поста ремаркской полиции, усиленного одним транспортером МСАРР. Здесь автострада обрывается; дальше десять километров разрушенного покрытия и взорванный мост через Реду, который не

удалось восстановить за последние пять лет. Приходится направляться в объезд через селение Кардам, где во время готтанских бомбардировок уцелела местная переправа.

У нас появляется возможность взглянуть на глубокую провинцию. За окнами мелькают поля, в основном незасеянные, и небольшие скопления домов. То и дело вдоль дороги виднеются здания, зияющие черными окнами и дырками от пуль в потрескавшихся стенах. Нищета заметна на каждом шагу, заборы во встречающихся деревнях клонятся к земле. Современных сельскохозяйственных орудий не видать – лишь старые и ржавые, запряженные лошадьми.

Здесь до сих пор стоит множество хижин, покрытых соломой, кое-как залатанных камнями и кусками древесины. Порой в них трудно обнаружить четкую линию, не говоря уже о прямых углах. Из труб сочится черный дым – люди топят чем попало, обогревая свои жилища. По полям бродят собаки.

Меня поражает царящее здесь запустение и убожество. Водяная Блоха говорит, что окрестности выглядят будто после эпидемии или атаки зомби. Возможно, местные жители прячутся от нас, а может, сбежали во время войны и больше не вернулись. В одной из больших деревень обитаемыми кажутся лишь две хижины. Наш конвой поспешно проезжает через эти остатки апокалипсиса, распугивая с дороги белых и черных куриц.

В Кардаме мы проезжаем мимо еще нескольких садов, которые уже никогда не зацветут, и полностью сгоревшего храма с разрушенной башней. Старый автомобиль круто сворачивает, пропуская нас, а на перекрестке улиц стоят двое оборванных мужчин, один из которых опирается на велосипед. Они провожают нас взглядом придорожной дворняги.

Вскоре мы добираемся до узкого моста, который дрожит под колесами. Мы преодолеваем его поодиночке, а потом сворачиваем на ведущую к автостраде подъездную дорогу и возвращаемся к знакомому пейзажу. Разговоры в «скорпионе» стихли, будто вид за окнами лишил нас всяческого желания делиться дурацкими мыслями.

К счастью, до Адмирума уже рукой подать. Через двадцать минут мы подъезжаем к узлу на автостраде, возле которого находится база, и делаем глубокий вдох. Половина задания позади.

База граничит одной стороной с крутой скалой, так что с запада у нее естественное прикрытие. С трех сторон ее окружает ограждение СМЗ «Бастион» из металлической сетки и полиуретановой оболочки. Каждый модуль заполнен камнями и песком. Даже импровизированные строения и стрелковые позиции возведены из тех же корзин.

За железными воротами стоит транспортер, отъехавший на время нашего визита. Мне трудно оценить размеры Адмирума, но они вполне могут составлять около двух тысяч квадратных метров. Персонал базы состоит из пятидесяти солдат под командованием лейтенанта Лумстина.

Шестеро привезенных нами молодых новобранцев явно отличаются от местных. Слегка испуганным видом они спрыгивают из кузова на утопанную землю. Форма у них чистая, лица не покрыты пылью. Солдаты из Адмирума одеты не по уставу – некоторые ходят без шлемов, у других расстегнуты рубашки и видны амулеты на шее. Не редкость также фантастически завязанные ремаркские платки или размалеванные лица.

Водители грузовиков паркуются в углу базы; им предстоит остаться здесь на несколько дней, чтобы выполнить некие задания. Мы ставим «скорпионы» за воротами и, пользуясь суматохой, быстро обмениваемся впечатлениями.

– Оглядись вокруг, Маркус, именно так выглядит ссылка, – шепчет мне на ухо Голя.

– Да, господин сержант. Им куда херовее, чем нам.

– Тот мужик, что идет в нашу сторону – Герт Лумстин, шеф базы, – кивком показывает сержант. – Крутой сукин сын.

Если что-то и связывает лейтенанта Остина с командиром Адмирума, то лишь некоторое сходство фамилий. Когда они приветствуют друг друга, худощавый Остин едва достаёт до подбородка могучему Лумстину. Офицеры скрываются в здании командования, а мы разговариваем с солдатами, которые не на службе. Те ловко выгружают привезенные боеприпасы, еду и питьевую воду, но пользуются каждым случаем, чтобы пообщаться. Мы им немного помогаем, а немного торгуем – сигаретами, шоколадом из столовой, а может, даже и чем покрепче. По крайней мере, мне так кажется, поскольку Ротта и след простыл.

– Где Джим? – спрашиваю я Водяную Блоху.

– Пошел в сортир.

– Даниэль! Найди его и скажи этому лентяю, что ящики сами себя не перенесут.

– Так точно, Маркус. – Пурич бежит на другой конец базы.

В течение получаса нам удастся разгрузить припасы. Ротт получает нагоняй, а сержант Голя зовет двух капралов и сержанта из Адмирума, и мы скрываемся за стрелковой позицией, чтобы немного поговорить. Парни сделали здесь навес из брезента, поставили несколько столиков и деревянных поддонов. Своего рода местный эквивалент нашего клуба.

Сержант Михалич, командир первого взвода, и капрал Джом не особо разговорчивы. В основном они расспрашивают о ситуации в Хармане, желая узнать, как часто случаются теракты и насколько опасно на улицах. Разговор идет об атаке арейцев, о бомбардировке их позиций в Волчьих горах и о проблемах со снабжением. Мы с Голей и Норманом терпеливо отвечаем на все вопросы. Для этих людей встреча с нами – хоть какое-то развлечение.

Один лишь Усиль дремлет в углу – он крайне плохо переносит недосып. Через несколько минут начинает храпеть, после чего получает от сержанта Голи удар раскрытой ладонью по шлему. Капрал Джом громко хохочет, отчего Петер обижается еще сильнее.

В какой-то момент мы с Голей отходим в сторону, чтобы покурить со вторым капралом с базы. У Адама Вернера красные глаза, а пустынная пыль и обычная грязь в буквальном смысле въелись в его кожу. Когда он закуривает, у него дрожат руки. Кажется, он хочет нам что-то сказать, и Голя мягко вызывает его на разговор, спрашивая, насколько им тут тяжело, и знают ли они уже, когда приедет смена. Капрал судорожно затягивается дымом.

– Не знаем, лейтенант ничего нам не говорит, – наконец отвечает он. – Он вроде как угодил сюда в наказание – попал под горячую руку кому-то из командования. И пока он тут будет, останемся и мы. Блин, да мы вконец уже заебались!

– Не знаю, обрадует ли это тебя, но у нас тоже полная херня. Ты сам слышал, что те сволочи из храма Ареса беспрерывно нападают на патрули. А гадейцы устраивают теракты с бомбами.

– Господин сержант, при всем к вам уважении, у нас тут каждый день перестрелки. Или, скорее, пару раз в день. Если не пизданут из гранатомета с проезжающей машины, то подберутся ночью и начнут обстреливать из автоматов. Видели пополнение? За две недели мы потеряли четверых. Если так пойдет и дальше, персонал сменится сам по себе.

– Это важная база, – говорит Голя. – Благодаря вам чуть меньше этих отбросов проникают в Харман.

– Хрен там, господин сержант. Они переправляют оружие и людей горными тропами. По автострате ездят только гражданские, лохи и самоубийцы.

Я размышляю о Доктрине Видимости и ее фатальных последствиях. Персонал Адмирума был выставлен против атак партизан как подтверждение, что МСАРР контролирует эту территорию. Естественно, лишь в теории, поскольку пустыню и горы не контролирует никто, даже люди Гарсии. У каждого есть какие-то гнезда, в которых он закрепился, а остальное – ничейная земля. Не стоит забывать, что среди ремарцев есть несколько враждебных группировок, которые сражаются друг с другом. Если бы база Адмирум получила хотя бы несколько беспи-

лотников, она могла бы патрулировать более обширную территорию, но и с этим дела обстоят не лучшим образом.

– У нас были два «сокола», – рассказывает Вернер. – Один вышел из строя месяц назад. Другой мы выпускаем редко – повстанцы едва его не увели, и нам с трудом удалось призвать его обратно. Он летает не дальше чем за несколько километров от базы и только там, где хорошая дальность связи.

– То есть вам приходится патрулировать самим? – Мне по-настоящему его жаль.

– Хуже всего выезды в пустыню. В последнее время было несколько таких операций, и позавчера случилось нечто странное. – Капрал прикуривает уже третью сигарету. – Один из «скорпионов» съехал с автостреды, чтобы проверить какой-то разбитый остов, стоявший в чистом поле. Когда парни к нему подошли, что-то взорвалось – не знаю, наверное, какая-то бомба. Голубая вспышка поразила Крысу, то есть рядового Гинека. У него поехала крыша, он начал метаться и кричать, будто умер. Его едва удалось затащить в машину.

– И что с ним? – настороженно спрашивает Голя.

– Лежит в госпитальном контейнере. Медик напичкал его порошками, а вы вроде должны забрать его в Харман. Так я слышал.

Больше разговаривать мы не можем – сержант Михалич зовет капрала и велит своим людям собираться. Им предстоит немедленно ехать к контрольному пункту, возле которого случилась крупная перестрелка. Внезапно мы остаемся одни, не зная даже, что сказать. Ларс лишь недоверчиво качает головой.

Пурич и Водяная Блоха спрашивают, что нам удалось узнать, и я вкратце излагаю им, насколько тут все дерьмово. Голя сообщает, что через пятнадцать минут мы отправляемся обратно. Мы быстро подкрепляемся, хлебаем воду из фляжек и бежим в туалет, если кому-то вдруг надо. Ровно в семь тридцать мы готовы.

Лейтенант Лумстин с местным санитаром ведут к нашему «скорпиону» полубессознательного солдата. Виктор Гинека занимает место Голи сзади машины. Он скорее лежит, подерживаемый импровизированными ремнями, чем сидит. Из-под полуприкрытых век поблескивают вывернутые белки, изо рта течет слюна.

Я знаю, что парням не по себе, и вряд ли этому стоит удивляться. Отчасти такое ощущение, будто у нас на борту труп, а не раненый рядовой. Я мысленно благословляю сержанта за эту сомнительную честь.

Среда, 9 марта, 07.55

Окрестности Кардама, провинция Саладх, Южный Ремарк

Вим Гаус бросает взгляд через плечо на бесчувственного солдата. Водяная Блоха пытается шутить, чтобы его отвлечь, но у меня такое ощущение, что нашего великого воина сейчас стошнит. Общество Гинека ему явно не подходит. Он молчит, но от лица его будто отлила вся кровь, что отчасти выглядит даже забавно.

У меня не так уж много времени, чтобы за ними наблюдать. Я всматриваюсь в экран своего планшета. «Сокол» спокойно летит над нами, когда мы съезжаем с автостреды, и позже, когда мы ползем по разбитой дороге к мосту через Реду. Мы расположились в колонне в соответствии с нумерацией отделений – наш «скорпион» едет третьим. Деревянная конструкция кажется еще более разболтанной, чем раньше. Возможно, ее повредили военные грузовики.

Мы пересекаем пустой перекресток и проезжаем мимо сгоревшего сада. Уже видны строения Кардама. Дорога огибает городок, мелькает запыленный указатель в сторону центра. Я снова перевожу взгляд на экран, и меня на секунду охватывает паралич.

То, что происходит, требует немедленного принятия решения. Нужно что-то делать – и быстро.

Ну, давай же, Маркус, мать твою! Я бью прямо по яйцам Пурича, который стоит на месте стрелка. Даниэль складывается пополам и со стоном оседает внутрь машины.

Еще одна секунда. Заебись.

– Тормози! – ору я в ухо Ротту.

Джим инстинктивно вдавливая педаль в пол, и нас швыряет как на американских горках. Гаус и Дафни валятся на Пурича, а я ударяюсь шлемом о переднее стекло. Мгновение спустя на нас налетает четвертый «скорпион». Удар не слишком сильный – Труман среагировал сразу же. Усилы всегда его хвалили, говоря, что тот неплохой водитель.

За окнами поднимается пыль, а в наушниках слышится нечеловеческий вой.

– Четверо из машины! – приказываю я. – Обстрел с обеих сторон!

Парни приоткрывают дверцы и бросаются плашмя на дорогу, занимая позиции, как на тренировке, без лишних вопросов. Внутри остается только Пурич, который, несмотря на боль в яйцах, возвращается к своему MG2. Времени на размышления нет – мы лежим на асфальте, и каждый берет на себя свой сектор. Но выстрелы ни с какой стороны не раздаются – только этот гребанный вопль в наушниках. Водяная Блоха лежит рядом и вопросительно смотрит на меня.

– Доложите обстановку! – кричит сержант Голя, который ехал в четвертом «скорпионе».

– Говорит первый, мы потеряли стрелка, – отвечает Баллард вместо своего капрала.

– Второй, мы потеряли стрелка, – докладывает Ларс Норман.

– Третий, без потерь, – последним сообщаю я.

Из хижины с правой стороны дороги выбегает мужик в темной одежде и мчится через заросшее поле в сторону леса. Пурич выпускает очередь из автомата, перерезая его чуть ли не пополам. Беглец падает наземь, словно пораженный молнией. Больше ничего не происходит. Можно подняться и осторожно оценить потери.

Кто-то из первого «скорпиона» лежит без чувств на дороге, но я уверен, что убитые остались в машинах. Старший рядовой Ромер и старший рядовой Блинт.

– Что это, мать твою? – спрашивает рядовой Инка, стрелок из четвертого отделения, который остался в машине.

На уровне его лица на солнце блестит тонкая проволока, натянутая между деревьями. Тихий убийца из Кардама.

«Сокол» зафиксировал весь ход событий, бесстрастно наблюдая за трассой. Я перематываю назад запись с камеры дрона и показываю сержанту момент, когда у Ромера отвалилась голова. Проволока, а точнее длинная фортепьянная струна, без каких-либо проблем отделила голову от туловища. Та покатила в сторону вместе со шлемом, а тело лишь мгновение спустя упало внутрь машины, извергая кровь. Именно потому капрал Талько лишился чувств, выйдя из машины.

Второй стрелок, старший рядовой Блинт, был чуть ниже ростом и не столь высоко поднял свой помост. Струна попала ему в рот, отбросила голову назад и, дернув за челюсть, сломала шейные позвонки, заодно вырвав несколько передних зубов и срезав верхнюю губу и нос. Если бы не сломанный позвоночник, он остался бы жив, превратившись в изуродованного калеку. Возможно, ему повезло, что он умер.

Я ударил Даниэля через секунду после того, как погиб Ромер. Ротт почти сразу же начал тормозить. Я быстро подсчитываю в уме: мы ехали по разбитой дороге со скоростью сорок километров в час, то есть одиннадцать метров в секунду, в рассредоточенной колонне, с дистанцией в двадцать метров между машинами. Соответственно, первую машину от последней отделяло около шестидесяти метров. Если бы мы не затормозили, а Пурич не убрал бы голову, за пять с половиной секунд мы потеряли бы всех стрелков. Чудо, что Олаф Инка остался жив. Какой-то сволочи пришла в голову воистину гениальная идея натянуть ту проволоку.

Сержант Голя, похоже, думает о том же самом. Он недоверчиво смотрит на экран, сжимая кулаки, а потом сдавленно спрашивает:

– Как ты это сделал, Маркус?

– Что, господин сержант?

– Как ты сумел так быстро среагировать?!

– Не знаю. Просто заметил опасность и среагировал.

– Блядь, да ты, похоже, вообще не человек. – Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, явно в шоке. – Ты спас двоих товарищей.

– Но двое погибли, – отвечаю я.

Мы обыскиваем окрестные дома. Везде пусто – выбитые окна, разрушенные и разграбленные помещения. Даже краны выкручены из стен. Отделение Ларса Нормана проверяет мужчину, которого убил Пурич. Вернувшись, они говорят, что очередь прошла его наискосок, продыравив спину и оторвав кусок черепа. Документов при нем не нашлось.

Кто-то трясущимися руками поднимает из канавы голову Стефана Ромера, кто-то перерезает ножницами проволоку, кто-то приводит в чувство капрала Талько. Гаус блюет, утирает рот ладонью и прислоняется к борту машины. Сержант Голя приказывает нам вернуться в «скорпионы» и ехать дальше. Внешне он спокоен, но я вижу, что с нашим командиром что-то происходит. Вид его далек от нормального. За неполные три недели он потерял шесть человек и теперь проигрывает свою войну.

Мы едем в тишине, ее изредка прерывают лишь стоны раненого рядового с базы Адмиралум. Я откладываю планшет в сторону – сосредоточиться все равно не удастся. Меня тревожит вопрос, почему ремарцы не устроили более серьезную засаду. На этой дороге они могли бы перестрелять нас всех.

Может, проволока была идеей террориста-одиночки. А может, просто случайный свидетель, живший в заброшенных руинах, испугался увиденного и решил сбежать как можно дальше от этой чертовой дороги. В этой стране никогда не знаешь, что перед тобой – иллюзия или реальность.

Пятница, 11 марта, 15.10

Харман, провинция Саладх, Южный Ремарк

Я жду приема у доктора Заубер, сижу в здании медсанчасти у кабинета в конце коридора и таращусь в коммуникатор. Из-за приоткрытой двери доносятся обрывки фраз. Капитан Заубер и лейтенант Дереш обсуждают пациента. Речь идет о Викторе Гинеке – по крайней мере, такой вывод можно сделать из разговора.

До меня долетают слова «синдром посттравматического стресса» и «синдром Котара». Врачи размышляют над причиной повышенной активности височных долей мозга. Похоже, мощный электрический разряд или магнитное поле вызвали у солдата с Адмирума галлюцинации. Дереш упоминает что-то насчет «шлема бога», а потом уходит, не удостоив меня даже взглядом.

Я неуверенно стучу в дверь. Линда Заубер просматривает медицинскую документацию и жестом велит мне сесть на стул. Я жду, когда она закончит, и думаю о сержанте Голе, который после случившегося в Кардаме каждый день пьет и остается глух к нашим просьбам взять себя в руки.

Ни мне, ни Усилу с Норманом не удастся его удержать. Если он в ближайшее время не опомнится, командование отправит его на родину. Вся надежда на Северина – может, он сумеет призвать к разуму своего приятеля.

– Сколько ты слышал из нашей дискуссии? – неожиданно спрашивает доктор Заубер.

– Кое-что слышал. – Притворяться глухим нет никакого смысла. – Можно спросить, что такое «синдром Котара», госпожа капитан?

– Редкое расстройство, Маркус, так называемый синдром живого трупа. Больной страдает нигилистическими фантазиями и считает себя мертвым. У него ослаблено ощущение боли, он утверждает, будто у него сгнили внутренности, будто он пустой внутри, и так далее. Синдром Котара сопровождается тяжелой депрессией. Но не будем об этом.

– Прошу прощения.

– Можешь не извиняться, мы пока не научились забывать по приказу. – Она пристально смотрит мне в глаза. – Я запрещаю тебе кому-либо говорить о том, что ты услышал.

– Так точно.

– Только паники нам еще сейчас не хватало. Если я узнаю, что по базе ходят слухи насчет диагноза рядового Гинека, последствия для тебя будут суровыми. За всё, включая имплантат.

– Так точно, госпожа капитан. – Я чувствую, как по спине стекает капля пота.

– Можешь быть свободен. У меня сейчас нет времени на всякую чушь.

Пятясь, я выхожу из кабинета. Единственное, чего мне хочется, – исчезнуть с глаз раздраженного врача. В голове сменяют друг друга образы искалеченных стрелков, пьяного сержанта и стонущего рядового, который утверждает, будто умер в пустыне Саладх. Все это тонет в памяти, проваливаясь, словно камень, в голубизну сновидений. Происходит нечто, чего я пока не понимаю и не могу свести воедино. Я знаю лишь, что нам нужно бежать отсюда, но вместе с тем отдаю себе отчет в том, что мы все больше ввязываемся в эту войну.

И поэтому я должен понять, в чем дело, узнать как можно больше.

Вторник, 15 марта, 08.30

Гражданские рабочие под присмотром сержанта Крелла устанавливают защиту на «скорпионы». Машины въезжают в жестяной ангар, а техники приваривают к передним бамперам металлические трубы метра полтора высотой, загнутые в направлении езды. Их задача – защитить стрелков от обезглавливания, разрывая натянутую поперек дороги проволоку.

Мы – Пурич, Водяная Блоха и я – наблюдаем за их работой, стоя под навесом у входа в столовую. Наш ВБР все еще в своего рода неформальном отпуске – капитан Бек решил продлить нам освобождение от вызовов. Мы выполняем не столь существенные задания, наверняка еще и из-за «проблем со здоровьем» нашего сержанта.

– Слышал, Маркус, что в Хармане в тот же день был совершен теракт с использованием струны? – спрашивает Дафни. – Это была скоординированная операция.

– Да, слышал. Погиб солдат с базы Кентавр.

– Патрули боятся выезжать с базы со стрелками на башенках.

– Мачты решат вопрос. Так что способ оказался одноразовым.

Пурич начинает плакать, по его щекам текут слезы. Он благодарит меня за то, что я спас ему жизнь. По его словам, в первое мгновение он не понял, в чем дело, и хотел ударить меня в ответ, думая, что это глупая шутка. То же самое он беспрестанно повторяет уже пять дней. Я стараюсь не реагировать – не хочется списывать все на счастливое стечение обстоятельств.

Мы будем ездить с торчащими в небо трубами. Не дадим этим мерзавцам себя запугать. В дверях казармы появляется сержант Голя и внимательно оглядывает плац. Он наконец трезв, и на лице его та же ироническая усмешка, к которой мы привыкли с самого начала нашей миссии. Хотелось бы верить, что ситуация возвращается в норму.

Случившееся в Кардаме что-то изменило в наших головах, а ненависть к террористам никогда еще не была столь велика. Парни готовы растерзать их в клочья голыми руками. И я прекрасно их понимаю. У нас должна быть цель, пусть даже самая низменная и простая.

Глава шестая

Среда, 16 марта, 14.05

Харман, провинция Саладх, Южный Ремарк

Сегодня солнечно. Двадцать один градус тепла, легкий южный ветер, птицы на окрестных деревьях щебечут как сумасшедшие. Утром я проверял прогноз погоды для Раммы. У вас тоже светит солнце, сынок, хотя и намного холоднее. Мама наверняка взяла тебя на прогулку. Может, ты качаешься на качелях на игровой площадке или едешь на велосипеде по дворовой аллее. Если ты унаследовал мою любовь к двухколесным машинам, то у тебя, возможно, уже неплохо получается.

Гены – могучая сила. Они перетасовываются в каждом поколении, передавая черты, о которых порой хотелось бы забыть. Если ты, выражаясь деликатно, окажешься скептически настроен к жизни, а любой человек, который несет чушь, покажется тебе отбросом – ты унаследовал это от меня, так же как склонность к насморку, неплохой слух, любовь к сладкому и страх высоты. Я также всегда любил быструю езду на автомобиле, так что, прошу тебя, будь осторожнее.

Твоя мама обожает цвета, особенно сочетания ярких красок с лавандой, которая ассоциируется у нее с полями Прованса. Потертые, слегка обветшавшие мебель и стены, двустворчатые двери, балки на потолке, каменный пол. Ты еще насмотришься на все это за долгие годы. Но мама – это еще и острые приправы, экспериментальная музыка, парализующий страх перед чужой оценкой и путешествия в далекие города.

Мне хотелось бы знать, сколько от меня останется в тебе. Обычное эгоистичное любопытство. Будешь ли ты любить футбол и будут ли женщины для тебя столь же большой загадкой, как для меня? Или, несмотря на врожденную нелюбовь к переменам, ты будешь бросаться в водоворот событий, чтобы чего-то достичь и исполнить свои мечты?

Сейчас ты мой маленький сынок. Все это зарождается в тебе, постепенно развиваясь. Надеюсь, когда-нибудь, когда ты станешь взрослым, то выпьешь со мной. Я всегда любил опрокинуть вечером стаканчик бурбона. И пусть тебя не пытаются убедить, будто виски лучше. В том привкусе нефти, который остается после него на языке, нет ничего прекрасного.

Я стою с Неми перед лавкой Йохана Масира. Зеленая табличка с надписью «Бесценные сокровища Йохана» страдает от запущенного лишая. Пурич с трудом сумел прочитать текст, зато переводчица отлично справилась с задачей, убедив полицию и владельца лавки со старьем, что мы боремся с терроризмом, так что мы смогли именем закона вытащить его из-за прилавка и начать обыскивать лавку размером пять на пять метров. Весьма приятное занятие, хотя некоторые приказы кажутся мне полностью бессмысленными.

Парни из отделения Усилия творят там разгром, переворачивая товар в отместку за кровавые теракты и погибших товарищей. А я жду у машины и таращусь на Неми. Я восхищаюсь правильными чертами ее лица и прекрасно себя чувствую. Весеннее солнце на безоблачном небе способствует ленивому настроению, и я даже нахожу тему, на которую мы могли бы поговорить.

– Расскажи мне о ваших храмах.

– Что тебя интересует, Маркус?

– Я не хочу говорить о культе Афродиты. И вообще о том, что тебе неприятно. – На всякий случай я ударяю себя в грудь.

– Я зря тогда разозлилась.

– Ну вот видишь. – Я глажу ее по руке. – Я не хотел тебя обидеть.

– Мне не нравится мое прошлое, – спокойно говорит она. – Я избегаю этой темы.

– Я не стану об этом спрашивать. – Я прислушиваюсь к звону переворачиваемой посуды и ругательствам солдат. – Скажи, вы в самом деле верите в разных богов?

– В каком-то смысле. – Девушка мягко отстраняется. – Когда-то мы верили в мифы, воспринимая их буквально. Но священнослужители уже много веков говорят, что божества – это лишь проявления Господа. Их называют «аспектами Единого».

– Вы можете выбирать себе храм?

– Обычно ты остаешься приверженцем того культа, который почитала твоя семья. Если молодые люди в Ремарке заключают супружеский союз, их дети обращаются в веру матери.

– Интересно. Мне казалось, у мужчин тут больше привилегий.

– В этом смысле царит матриархат, – подмигивает Неми.

В лавке что-то происходит, слышны радостные крики. В дверях появляется сержант Голя и приказывает нам крепче держать хозяина. Я оставляю его на попечение Гауса, который одной рукой может выдавить из Йохана Масира потроха. Заглядываю в окно витрины, чтобы выяснить, что нашло четвертое отделение. Парни открыли металлический люк за прилавком и извлекают оттуда настоящие «бесценные сокровища» – автоматы, гранаты и ящики с боеприпасами.

Голя дает мне знак, приложив ладонь к уху. Я вызываю по радио окрестные патрули и остальной взвод. Такова процедура в случае обнаружения «товара». До прихода подкрепления нужно сохранять бдительность на случай, если партизаны попытаются отбить свой арсенал.

Пурич проводит стволом MG2 вдоль окрестных домов. Остальное отделение спряталось за машиной и напряженно ждет. Лавочник беззвучно молится.

– Это гадец, – шепчет мне на ухо Неми, показывая на Масира.

– И что?

– Лучше с ним быть поосторожнее.

Через несколько минут появляется первый «скорпион», сразу за ним еще один. Через четверть часа вся улица кишит солдатами, которые охотно надрали бы кому-нибудь задницу. Но единственный кандидат – пожилой хозяин лавки, которого вскоре допросит разведка, так что не стоит особо ему вредить, и ему достается лишь несколько тычков и пинков под зад, прежде чем его запихивают в машину. Колонна трогается с места, поднимая облако пыли.

Но, когда мы приезжаем на базу, тот уже мертв. Похоже, начал задыхаться и испустил дух у самых ворот. Петер выбегает из «скорпиона», что-то неразборчиво кричит, и до меня не сразу доходит, что он зовет врача. У лавочника наверняка был при себе яд, и когда он понял, что помощь не придет, принял отраву не раздумывая.

Пятница, 18 марта, 19.05

С посадочной площадки взлетает вертолет «Кассабиан». В вечернем небе мигают сигнальные огни, обозначая обратный путь Виктора Гинека. Мы узнали от товарищей из первого батальона, что солдата с базы Адмирум вывели из медпункта трое санитаров, которые посадили его на борт словно куклу. Похоже, в черепашке у парня все окончательно перепуталось.

Вчера транспортник С-515 забрал гробы с останками солдат, погибших во время последних терактов. На родину в числе прочих вернулись рядовой Ромер и старший рядовой Блинт. Первое и второе отделения уже получили пополнение – парней из резервных списков. Личный состав укомплектован, и мы можем продолжать исполнять приказы.

После ужина у нас свободное время, так что я заглядываю к своим расспросить о самочувствии. Сев на стул, молча наблюдаю за солдатами. Все оружие в стойке у окна, только Дафни, как обычно, начищает свой автомат. Гаус и Пурич играют в карты, а Ротт лежит вытя-

нувшись на своей койке. Неожиданно он заговаривает первым, и остальные прерывают свои увлекательные занятия.

– Маркус, я поговорил с ребятами и хотел бы тебя попросить об одной услуге.

– Хотя бы сядь, когда со мной разговариваешь, Джим. Слушаю.

– Я насчет перевода. – Он неохотно садится и смотрит мне в глаза. – Мы тут немного не сошлись характерами, и, может, будет лучше, если ты попросишь сержанта о замене.

– Какой еще замене?

– Ну, чтобы Баллард перешел к нам, – подает голос Гаус.

– погоди, не вмешивайся, – бранит его Водяная Блоха.

– Ты про свой перевод, да? – спрашиваю я Ротта.

– Да. – Он стискивает зубы: похоже, разговор немало ему стоит. – Я хотел завтра официально попросить согласия. Какой нам смысл вцепляться друг другу в глотку?

– А вы что скажете? – Я обвожу взглядом комнату.

– Ну да, было бы заебись, если бы Крис служил с нами, – кивает Пурич. Гаус и Водяная Блоха того же мнения.

– Вот видишь, все будут только рады, – нахально улыбается Ротт.

– Можешь завтра подать рапорт, Джим, – медленно говорю я. – Но знай, что я его не приму.

В комнате наступает тишина.

– Как это, мать твою? Почему?! – вырывается у него.

– Потому, блядь, старший рядовой Ротт, что ты кое-чем обязан своему отделению. Завалял кашу, мать твою, напиздел про нас глупостей, где только мог, так что теперь придется платить должок.

– Какой еще должок?!

Он вскакивает и хватается меня за китель. На мгновение передо мной появляется его искаженное лицо, а потом Гаус неожиданно швыряет его, словно тряпку, обратно на койку. Заодно Ротт ударяется затылком о деревянное изголовье.

– Помнишь, как я тебе обещал, что ты будешь ходить в первых рядах? Три раза сходишь – разрешу тебе уйти. Не раньше.

– Да ты охуел, – стонет Ротт, держась за затылок.

– Следи за языком. За каждую такую выходку будет на одну операцию больше.

Мерзавец отворачивается к стене, скорчившись на койке, а я продолжаю разговор с парнями, как если бы ничего не случилось. Они не комментируют мое решение, не спрашивают о причинах – они сразу же приняли его как должное – так и должно быть.

Гаусу, который жалуется на натертую ногу, я велю сходить утром в процедурный кабинет и попросить тальк и пластырь. Подручный запас лучше не трогать – могут быть проблемы с выдачей нового: старшина Гармонт стар и хитер. С Пуричем и Водяной Блохой я обсуждаю день рождения Голи, который уже совсем скоро. Наш командир родился первого апреля, и это, пожалуй, лучшая дата, которую он мог выбрать для своего появления на свет.

На базе Эрде подарок раздобыть непросто, так что мы решаем подарить ему какой-нибудь платок, который мы при случае купим в городе. Ну и литр хорошего самогона, если получится организовать. И то и другое нужно будет сделать тайно, но для этого есть самостоятельные вызовы и разные хитрецы в роте. Мы все согласны, что сержант заслужил самого лучшего.

Воскресенье, 20 марта, 09.35

Борис Северин ловит нас с Усилом в коридоре казармы. Он спрашивает об остальных командирах отделений, но оба на вызовах. Нам приходится вмешиваться ежедневно, обычно

по несколько раз за день. Харман теперь бурлит словно чертова мельница. В основном это неопасные инциденты, однако достаточно легко перерастающие в беспорядки.

Северин ведет нас к Голе. Его сопровождают капралы Лист, Масталик и Соттер; он собрал почти всех, так что, похоже, предстоит серьезное совещание. Сержант Голя, видя толпу в дверях своей комнатухи, стучит себя по лбу – поместиться там всем нет никаких шансов, так что мы идем в клуб с настольным футболом, где нам недавно показывали снимки жертв ночной вылазки. Мы садимся в тесном кругу и начинаем обсуждать запланированную операцию «Пустынный кулак». Информация свежая, чернила на приказах еще не высохли.

Девятая рота должна оказать поддержку форпосту Адмирум, который фактически перестал патрулировать окрестности. Парни сидят на базе и пытаются не погибнуть, отражая атаки партизан. Нужно привлечь больше сил в пустыне Саладх и любой ценой перерезать партизанские каналы поставок. Что самое невероятное, готтанцы, устроившие в Ремарке кровавую резню, теперь поддерживают религиозных фанатиков. Очередное доказательство того, как легко на войне меняются союзы.

Голя не скрывает злости. Он говорит, что если в операциях с использованием вертолетов будут принимать участие два взвода, разведывательный и ВБР, то только потому, что лейтенант Остин слаб. Мюллер готов на все, чтобы защитить своих людей от вылазок в пустыню. Служба в городе, хотя и опасная, по сравнению с боевыми действиями кажется сказкой.

– Не знаю, как командование базы Эрде намерено обеспечить порядок в Хармане, отвлекая нас от текущих операций, – говорит Северин.

– Видимо, у них есть какие-то соображения на этот счет. – Голя морщится при одной лишь мысли о переменах. – Остин согласится на все, что ему пихают в глотку. Он исполнит любой приказ. Он ведь даже наверняка особо не смущался, когда тебе об этом говорил?

– Похоже, его что-то беспокоило. Но он утверждал, что нам доверили важную задачу и мы должны показать себя с лучшей стороны, потому он и сообщает мне неофициально. Завтра состоится инструктаж, а потом учения по топографии и прочая чушь.

– Когда начинаем летать? – деловито спрашивает капрал Лист.

– С начала апреля. На «Кассабианах» CAS-10, по два отделения на борту. Трясет в этом блядстве охеренно, – нервничает командир третьего взвода. – Да еще если нас собьют по дороге...

Начинается беспорядочная дискуссия. У каждого есть что сказать и множество вопросов, на которые сержанты не знают ответов. Возможно, больше мы узнаем завтра, когда лейтенант Остин и капитан Бек порадуют нас хорошей новостью. Больше всего нас интересует, как все это будет выглядеть – как часто нам предстоит летать, с каким снаряжением, и будут ли это превентивные акции в рамках «видимости», или же конкретные удары по повстанцам.

– Интересно, как долго нам так вкалывать, – задумчиво говорит Усиль.

– До особого распоряжения. – Голя с силой хлопает его по спине; видимо, он уже успел слегка остыть.

– От воздушного патрулирования никакого толку, – со злостью замечаю я. – Только собственные потери, блядь, и ничего больше.

– Ты прав, Маркус, – кивает Северин. – Все это на хер никому не нужно. Если им так важна та сторона гор, то нужно построить новую базу и нормально контролировать территорию. База Адмирум слишком маленькая и слишком далеко от Тригеля.

– В пустыне, возле холма Отортен, сразу после войны была база, – подает голос Эрик Масталик. – Ее занимали войска Североамериканского союза, но после их ухода никто там больше не появился. Тамошние системы связи сходили с ума от возмущений магнитного поля.

Я внимательно его слушаю, поскольку это название уже встречалось мне раньше. Именно в окрестностях Отортена имели место необъяснимые исчезновения, о которых я читал в Синете месяц назад.

Эрик – старый матерый волк. Так же, как оба сержанта и его тезка Эрик Соттер, он участвовал в войне против готтанцев и в нескольких миротворческих миссиях. Сержант Голя подтверждает его слова и добавляет кое-что от себя:

– Помню, я проезжал через ту базу сразу после того, как ее покинули союзнические войска. Они оставили нам немного оборудования – им пришлось наспех собираться. Из-за помех приборов там тяжело пребывать постоянно. Кажется, именно поэтому ее назвали Дисторсия.

– Значит, нужно занять Дисторсию и прочесывать окрестности до упаду. – Сержант Северин закуривает, хотя курить здесь не положено. – Дрон за дроном, патруль за патрулем. Мы выкурим этих сволочей, как только у них закончатся припасы.

– Я бы предпочел остаться в Хармане, сержант, – заявляет Лист.

– Я бы тоже предпочел, сынок, но нашего мнения никто не спрашивает.

– Ладно, хватит жаловаться, господа, – подытоживает Голя. – Передайте информацию остальным командирам отделений, но солдатам ничего не говорите. Ни к чему, чтобы заранее расходились слухи.

– Так точно! – отвечаем мы.

– А вы, – обращается он ко мне и Петеру, – будьте в полной готовности, поскольку еще сегодня вам может потребоваться выехать. В городе неспокойно, патрули постоянно докладывают о беспорядках.

Двенадцатая неделя миссии не предвещает ничего особо хорошего.

Воскресенье, 20 марта, 13.05

Сержант явно накаркал. Тревога снова отрывает нас от еды, и мы сломя голову мчимся в центр города, где в торговом центре «Гермес» террористы заложили взрывной заряд. Несущиеся по улице «скорпионы» угрожают прохожим и бестолковым ремаркским водителям, но, честно говоря, нам на это глубоко насрать. Мы лишь крепче сжимаем МСК и оглядываемся по сторонам.

У большого здания торгового центра посинело от полицейских патрулей. Среди их автомобилей стоят два «скорпиона» и специализированная машина саперов. Внутри мы не заходим – у нас другой приказ.

Я докладываю по радио лейтенанту Тоусену, который командует операцией. Мы паркуемся перед главным входом и грозно смотрим на собравшуюся толпу. Наша задача – не допустить беспорядков среди охваченных паникой людей. Полицейские уже вывели из здания клиентов, а саперы с базы Кентавр исполняют свои обязанности.

От скуки я разглядываю «Гермес». Современное строение подходит к окрестным каменным домам как собаке пятая нога. Как и везде в Хармане, застройка здесь носит хаотический характер, не видно никакого плана. Неми как-то раз упоминала, что жители города гордятся этой обителью роскоши, но для меня она выглядит скорее как сельская подделка наших торговых центров – сооружение из пластиковой облицовки со слегка поцарапанной хромированной отделкой и затемненными стеклами. На стенах – вырвиглазные рекламные щиты. Одним словом, огромная развалюха.

К счастью, ремарцы боятся подходить ближе. Некоторые держат в руках корзинки или опираются о магазинные тележки, с которыми выбежали наружу. Интересно, как велики будут потери продавцов? Полицейские пытаются предотвратить кражи, бегая во все стороны и цепляясь к людям, из-за чего суматохи больше, чем порядка.

Четверть часа спустя в открытых дверях появляется массивный робот на гусеницах. Саперы докладывают в наушниках, что тревога оказалась ложной. В подозрительной сумке какой-то дебил оставил коробку с обувью. На этом история с терактом в торговом центре заканчивается. Тоусен позволяет нам покинуть пост, и мы направляемся обратно на базу.

Первым ее замечает Пурич. Наклонившись внутрь машины, он показывает на девочку в подъезде полуразвалившегося дома. До базы уже недалеко – осталось, может, километра три. Мы выбрали более длинный путь из-за дорожных работ. В этой стороне Хармана здания пребывают в ужасающем состоянии. Вся улица разбомблена, но видно как на ладони, что даже до войны Эрде был районом бедноты.

Мы подъезжаем к Т-образному перекрестку. Напротив нашей машины – руины из бетона и кирпича, фрагмент уцелевшей подворотни и одна стена с пустыми окнами, сквозь которые просвечивает небо. Девочка в сером платье, лет пяти-шести, держит в руке розовый воздушный шарик. Видимо, он наполнен гелием, поскольку весело парит над ее головой, раскачиваясь на ветру.

– Останови, – приказываю я Ротту.

«Скорпион» останавливается посреди перекрестка. Окрестности выглядят вымершими, хотя в километре дальше находится большой рынок, а также несколько магазинов и автомобильных мастерских. Здесь же на асфальте валяется лишь старый мусор – полиэтиленовые пакеты и вырванные из книг страницы.

Пурич достает бинокль и разглядывает близлежащие руины.

– Чисто, – докладывает он, хотя и не слишком уверенно. – Малышка, похоже, одна. Наверняка заблудилась или вроде того.

– Что будем делать? – спрашивает Водяная Блоха.

– Я схожу за ней, – предлагает Гаус. – Нельзя же ее так оставить.

– погоди. – Я поворачиваюсь к нему.

– Но, Маркус! Нужно ее забрать.

– погоди, я сказал! – Несколько мгновений я размышляю, не вызвать ли с базы «сокол», чтобы тот проверил окрестности. – Ладно. Джим! Подъезжай ближе к той подворотне и остановись у тротуара.

Ротт исполняет приказ. Напротив подворотни мы остановиться не можем – в мостовой зияет огромная яма. Но до стоящей неподвижно фигурки всего полтора десятка метров.

– Ладно, а теперь поднимай жопу с кресла. Пойдешь за ребенком.

– Что?!

– Рядовой Ротт, шагом марш за ребенком, мать твою! Я сяду за руль.

Именно в этот момент его охватывает неподдельный страх – не гнев, но панический ужас. Я сломал человека, и мне это нравится. Он открывает дверцу, машинально включает глушитель и идет на негнущихся ногах. Я ощущаю невидимые волны – одну за другой, металлические направленные взрывы под черепом – и вслушиваюсь в дыхание Ротта, в размеренный шум в наушниках. Он что-то неразборчиво шепчет, возможно, молится.

Пурич целится из MG2 в сторону здания. Гаус и Дафни приоткрыли дверцы и страхуют противоположные концы дороги. Нам уже доводилось бывать и в более опасных местах, но при виде этих руин и полуразрушенных ворот в ад, в которых стоит девочка, встают дыбом волосы на затылке.

Ротт останавливается над девочкой. Малышка отпускает шарик, который медленно поднимается и улетает в неизвестность. Стоящий над ней солдат учащенно дышит, глядя на что-то в глубине подворотни.

– Ох ты блядь!

– Что там, Джим! Докладывай!

– В подворотне лежит женщина, наверняка мать, вся изуродованная. Похоже, ее посекло «клещами». Еще через несколько метров что-то шевелится среди мусора.

– Забирай ребенка и бегом в машину! – кричу я. – Отделение, включить глушители!

Перед глазами у меня синее, но лишь на мгновение. Ротт хватается девочку под мышку и мчится к нам. Вскочив внутрь, он передает ребенка Гаусу, с трудом переводя дух. Он только что отработал свой первый долг. По его лицу стекает пот, хотя совсем нежарко. Я вдавливаю педаль газа, и мы срываемся с места, устремляясь на запад, в сторону базы Эрде.

Девочка начинает кричать, словно выплюнув наконец изо рта кляп. Пронзительный визг врывается в уши, врезаясь в тело аж до самого костного мозга. А потом она безвольно оседает на колени Гауса, и наступает тишина.

– Ох ты блядь, ох ты блядь, – тихо повторяет Ротт.

– Мать твою! – добавляет Водяная Блоха.

Больше ничего не скажешь.

Вторник, 22 марта, 17.15

В проходе между двумя зданиями я встречаю Неми Сильберг, которая улыбается мне издалека и спрашивает про девочку. Известие уже разошлось по базе, даже, пожалуй, в большей степени, чем ночная вылазка двух кретинов – любителей платного секса. До людей наконец доходит, что повсюду таится эта механическая дрянь. Тысячи «клещей».

– Что именно тебя интересует? – спрашиваю я.

– Кто-нибудь явился за малышкой?

– Какая-то женщина, кажется тетка, забрала ее сегодня утром из медсанчасти.

– Бедная девочка. – Неми в самом деле тронута.

– Воистину.

Разговор стоило бы продолжить, но я страшно тороплюсь, поскольку опаздываю на занятия по топографии пустыни Саладх и Волчьих гор, и не позволяю ему развернуться.

– Ты нашла то, о чем я просил?

– Я обшарила чуть ли не весь Синет, но в конце концов кое-что отыскала. Только все по-ремаркски. Переведу текст и сразу же тебе перешлю. Может, завтра вечером.

– Великолепно. – Я крепко целую ее в щеку. – Я твой должник.

– Оставь. – Неми слегка краснеет, но не протестует. – Вижу, у тебя хорошее настроение.

– Мне пора. – Я растягиваю слова, глядя на ее губы, а потом удаляюсь быстрым шагом, чтобы не наделать каких-нибудь глупостей. Просмотр спутниковых снимков и военных карт окрестностей Тригеля прекрасно меня отрезвит, значительно лучше, чем кружка холодной воды из колодца. Вот только не знаю, насколько этого хватит.

– Как ты все это выдержишь, Маркус? – кричит она мне вслед. – Эту кошмарную войну?

Я поворачиваюсь к ней. С такого расстояния она выглядит еще более хрупкой.

– У меня есть специальный переключатель. – Имеется в виду мой стимулятор под мышкой; все равно она мне не поверит.

– Ну и глупо.

Электрод в моей голове работает на полную мощность.

Пятница, 25 марта, 16.20

Сегодня мы выезжаем в третий раз. Первый раз пропал впустую – мы проверили пикап, стоявший недалеко от базы. Обычный проржавевший автомобиль, у которого сел аккумулятор. Во второй раз толпа окружила пеший патруль в центре города. Парни вызвали помощь, но, честно говоря, случившееся спровоцировали они сами – кто-то из них пнул расставленные на тротуаре статуэтки, которые, видимо, оказались священными или из ценного материала.

Теперь же мы для разнообразия ищем дрон, который якобы задел телевизионную антенну и упал в одном из дворов в районе Габра. Поиски длятся уже двадцать минут. У нас есть оборудование для пеленгации сигнала локализатора. Каждый беспилотник снабжен черным ящиком, в котором хранятся данные. Мы бредем через замусоренные проходы между каменными домами, среди веревок с бельем и праздничных лент, развешанных то тут, то там на тонких брусках. Из окон за нами наблюдают сморщенные старушки в клетчатых платках. Дед в антикварном кресле попыхивает сигаретой у ворот.

Детвора в очередном дворе бежит за рыжей дворнягой. Пес держит в зубах резиновый мячик, убегая со всех ног. Наткнувшись на наш отряд, ребяташки застывают как вкопанные, а потом разворачиваются и с воплями уносятся домой.

Мы идем ввосьмером, с отделением Усиля – они смотрят поверху и целются в окна, а мы ищем ниже и страхуем двери. Точность сигнала не идеальна, но «сокол» должен быть где-то близко.

– Туда! – решительно говорит Петер, который держит устройство с голубым экраном.

Мы входим в очередную подворотню, воняющую мочой, кошками и чем-то сладким. Источником последнего запаха являются белые цветы, растущие на газоне сразу за проходом. Здесь на каждой стене виднеются граффити – кто-то обожает настенную живопись. Мы минуем ряд старых автомобилей и женщину, которая стирает в лохани. Не во всех домах есть ванны и действующая канализация. Прачка не обращает на нас внимания, разминая белье в мутной воде.

– Я его вижу, – кричит Водяная Блоха.

– Где?

– Вон там, на крыше голубятни.

Действительно, на жестяной крыше лежит наша пропaja. У Дафни отличное зрение, но все равно трудно понять, как он заметил едва выступающую из-за края крестовину дрона. Чтобы стащить «сокол» вниз, нужно забраться на дерево. Альбин Хокке, маленький ловкий парнишка из отделения Усиля, скачет по веткам как обезьяна и вскоре сбрасывает дрон на землю. Я докладываю сержанту, что задание выполнено.

Внезапно на пороге дома слева появляется худой мужчина и вытягивает руку в нашу сторону. Что-то блестит в его ладони, отражая лучи послеполуденного солнца. Пурич, который идет рядом со мной, сразу же берет его на мушку.

– Брось! – кричит он, кладя палец на спусковой крючок.

Остальное отделение реагирует спокойно. Я хватаюсь за ствол МСК Пурича, направляя его вниз. Блядь, только этого не хватало, чтобы мы пристрелили ни в чем не повинного гражданского.

– Успокойся, Даниэль. Это просто телефон!

– Заебись. – Пурич весь дрожит от нахлынувших на него чувств.

Срабатывает вспышка, и мужик испуганно прячется в доме. Желание увековечить отряд МСАРР на собственном дворе могло привести к трагедии. То был бы не первый случай, когда кто-то достал гаджет из кармана и получил пулю в лоб. Наши нервы давно уже перегорели. Лучше не провоцировать подобных ошибок.

На улице мы присоединяемся к остальному взводу, проверявшему второй ряд домов. Сержант Голя ворчит, чтобы мы поторопились, – ему не хочется пропустить лучший матч в этом сезоне. Столичная «Виктория» сегодня принимает у себя ФК «Сигард». Осталось полчаса до начала встречи, так что в самом деле приходится спешить.

Ко мне подходит Неми и извиняется, что только сегодня переслала мне файл. Я слегка стучу себя по лбу, надеясь, что она поймет этот универсальный жест. Мне очень интересно, что она нашла. И я действительно благодарен ей за помощь.

Воскресенье, 27 марта, 12.00

Ровно в полдень происходит розыгрыш отпусков. Каждый взвод получает столько лотов, сколько солдат в его составе. Сержанты приносят опломбированные конверты в заранее оговоренные места. Мы собрались внизу казармы, где стоят несколько потертых кресел и деревянные скамейки.

В начале миротворческих миссий восемьдесят процентов солдат могли по очереди брать двухнедельные отпуска. Затем процент счастливицов последовательно падал, вплоть до пятидесяти процентов в Пятом контингенте. Время также подозрительно сократилось – сперва до десяти дней, а в этом году до недели. Проигравшие получают денежную компенсацию, а некоторые счастливицы торгуют увольнительными, хотя это запрещено.

В углу собрались четыре отделения: двадцать один человек, включая сержанта, и каждый нетерпеливо ждет положенной по уставу жеребьевки. Мы по очереди лезем в серый картонный конверт, достаем оттуда карточку с номером и все вместе смотрим на список, где обозначены выигравшие лоты. Оказывается, на весь взвод приходится десять увольнительных, из которых мое отделение получило две – выиграли Пурич и я. Остальные парни явно пребывают в расстроенных чувствах.

Как только заканчивается всеобщая суматоха, я отвожу в сторону Гауса и прямо спрашиваю, не хочет ли он воспользоваться увольнительной. Лоты нельзя продавать, но начальство терпимо относится к заменам, а порой даже их поощряет. Одно дело человек, которого ждет семья, и совсем другое – одиночка, оставивший дома только кота или собаку.

– Да ты что, Маркус? Как я могу тебя о таком просить?

– Успокойся. Я знаю, что твоя мать больна и ты хотел бы ее навестить. Мне к родителям ехать не обязательно, а с сыном я не вижу.

– Но послушай...

– Не юли, старик. Я скажу сержанту, что отдаю тебе свой лот. Только не уезжай в ближайшие две недели. Мне хотелось бы иметь всех в полном составе в начале апреля.

– Ясное дело! Блядь, спасибо тебе, Маркус. – В глазах Гауса стоят слезы.

– Понимаю. – Я хлопаю его по плечу. – Только не слишком расклеивайся.

Естественно, увольнительные распределились не поровну. Первое отделение выиграло целых четыре, что страшно разозлило остальной взвод. Их получили все сменщики, пополнившие наш личный состав после теракта на рынке. Только Балларду не досталось отпуска. Парни только что приехали и уже могут радоваться возможности побывать дома. Сержант наверняка поставит их в самую дальнюю очередь, но у Ларса, как и у меня, счастливицов только двое, а у Петера один. Именно так выглядит слепая судьба.

Последнюю увольнительную выиграл командир взвода, но я сомневаюсь, что он ею воспользуется. Сержант Голя ненавидит собственную жену. Что касается меня, то если бы мне пришлось отправиться в отпуск, я наверняка поехал бы на базу в Портсаиле. Там есть отель для солдат, которые не хотят ехать на родину, – с казино, красивыми девушками и почти дармовой выпивкой. Я пил бы неделю до упаду и вернулся бы с сильным похмельем в Харман. Но, честно говоря, без всего этого я вполне могу обойтись.

Среда, 30 марта, 20.25

Я кладу на стол сержанту пачку бумаг. В последнее время мы были настолько заняты, что у нас даже не было времени поговорить. Вызовов стало меньше, но подготовка к операции «Пустынный кулак» идет полным ходом. Я отрываю Голю от изучения каких-то материалов.

– Что это? – слегка рассеянно спрашивает сержант.

– Просьба о замене автомата для Пурича – тот постоянно заедает. Ему достался испорченный экземпляр.

– Ясно, подпишу. – Он без лишних вопросов заполняет свои графы бланка. – А остальное?

– Я распечатал вам кое-что почитать, сержант. Неми нашла в Синете материалы о пустыне Саладх и базе Дисторсия.

– У меня нет времени на всякую хрень, Маркус.

– Это не хрень, – я показываю на одну из страниц, где отмечен фрагмент текста. – Здесь, например, пишут, что до войны возле холма Отортен, где находится база, действовал исследовательский институт Университета в Йоне. Там вместе работали геологи и физики. – Я переворачиваю страницу. – Еще двести лет назад за Волчьими горами простиралась плодородная равнина, но потом, после землетрясения, там открыли залежи серебра и меди. Местность усиленно эксплуатировали, разрушив водную систему. Все высохло и стало бесплодным. Вряд ли вам известно, что «саладх» по-ремарски означает «лиственный». Нетипичное название для пустыни.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Затем, что меня беспокоит случившееся с солдатом с базы Адмирум. Местность геологически неустойчива, к тому же ученые из того исследовательского института обнаружили источник излучения. Над этим работал некий профессор Мейер, но о нем в Сети почти ничего нет. Странно, поскольку он публиковал научные работы, а институт закрыли за год до войны. Журналист упоминает о нем лишь однажды, в конце статьи.

– Маркус, я знаю, что ты оригинал и любишь всякие загадки. Но сейчас у меня хватает и других проблем, кроме твоих теорий заговора. Так что любезно тебя прошу, выйди и не морочь мне жопу.

– Ясно, господин сержант. Но вы все-таки взглянете?

– Взгляну, когда будет время.

– Хочу, чтобы вы знали: врачи понятия не имеют, что случилось с Виктором Гинеком. Я случайно подслушал их разговор. А поскольку послезавтра мы будем в том же районе, мне хотелось бы кое-что выяснить.

– Блядь, Маркус, вали отсюда.

– Так точно!

Я выхожу, довольный, что сержант Голя не выбросил материалы в мусорную корзину. Возможно, через несколько минут он так и поступит, но, по крайней мере, я пытался хоть что-то объяснить. Мне хотелось бы верить, что вспышка, поразившая Гинека, – неизвестная бомба или шаровая молния. Но то, о чем говорил Масталик – проблемы со связью и работой приборов в окрестностях базы, – кажется мне весьма странным.

Я решаю привлечь на помощь других. Жаль, что Петера не интересуют мои находки – ему глубоко насрать на научные открытия и абстрактные проблемы. Вот только эта проблема отнюдь не абстрактная. В нескольких десятках километров отсюда сошел с ума наш товарищ с форпоста Адмирум, и никто не сумел ему помочь.

Четверг, 31 марта, 23.40

Я лежу на койке и таращусь в потолок. Сквозь открытую форточку веет свежим, пахнущим весной воздухом. Днем столбик термометра показывал двадцать три градуса, сейчас наверняка около пятнадцати. Я смотрю в темноту, прислушиваясь к птичьим голосам за окном. Тишину казармы то и дело нарушает хлопок двери или тяжелые шаги часовых.

Похоже, Петер тоже не спит, поскольку храпа не слышно. Он ворочается на своей койке, так же как и я, размышляя о завтрашней операции. После примерно сорокаминутного полета

на «кассабианах» мы высадимся возле селения Балех и войдем в него, чтобы обыскать все дома. Если все пойдет хорошо, вертолеты заберут нас через несколько часов.

Мне никак не удастся подавить тошнотворное чувство, будто что-то не так. И дело вовсе не в угрозе нападения, не в страхе перед полетом и возможностью быть сбитым. У меня такое ощущение, будто я приближаюсь к чему-то, ожидающему меня здесь с самого начала. Стоит мне об этом подумать, и по спине пробегает холодок, а в крови разливается голубой свет, как во сне, так и наяву.

Возможно, за последние три месяца мы стали городскими крысами. Привыкли к мысли, что в пределах видимости всегда стоят какие-то дома, что мы передвигаемся по улицам, а невдалеке ждет «скорпион». На этот раз нам придется действовать на открытой местности, и, может быть, мы даже станем приманкой для рассеявшегося вокруг Тригеля ополчения Гарсии. Может, в этом и состоит цель «Пустынного кулака». Если мы выполним задание и найдем запас оружия или снабжения для партизан, дело закончится недурной резней.

Порой я жалею, что не религиозен. Пурич наверняка вечером помолился, проведя пальцами по бусинкам четок, и теперь спит сном младенца. Мне тоже хотелось бы иметь невидимого друга, к которому я мог бы обратиться в такой момент и найти утешение. Но я один – выбора у меня нет. Я могу лишь подсчитывать вероятность, искать выход из положения и рассчитывать на крупицу удачи. Так что, возможно, ощущение, что где-то в пустыне таится опасность, – лишь реакция возбужденного стрессом разума. Обычные чудовища, которые вылезают на поверхность, когда ты понимаешь, что через несколько часов можешь лишиться жизни. Военная разновидность загнанной внутрь истерии, подсказывающей самые черные и кровавые сценарии.

Об этом я узнаю завтра или через несколько месяцев. В конце концов все мы об этом узнаем. Но сейчас мне следует перестать думать, очистить разум и немедленно заснуть, прежде чем Усиль заведет свой концерт, а в окне высоко над головой начнет сереть небо. От того, сумею ли я выспаться, завтра может зависеть чья-то жизнь. Так что, Петер, не будь сволочью. И не смей сегодня заснуть раньше меня.

Часть вторая

Контакт

Глава первая

Пятница, 1 апреля, 06.55

Окрестности Балеха, пустыня Саладх, Южный Ремарк

Операция «Пустынный кулак»

Мы летим над пустыней, сынок. Четыре вертолета «Кассабиан» четверть часа назад миновали Волчы горы и медленно приближаются к селению, где нам предстоит провести обыск. Его жители подозреваются в сотрудничестве с повстанцами, но на самом деле, даже если бы они были плюшевыми и чистыми словно слеза, мы все равно нанесли бы им визит. Речь идет о демонстрации силы и запугивании этих упрямцев, не желающих мириться с нашим присутствием в Ремарке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.